

В. Винниченко

О морали
господствующей
и морали
угнетённых

~~296~~

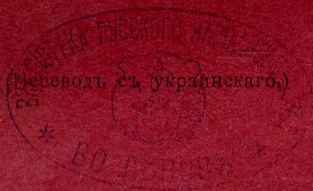
~~37/42~~

Нашего Голоса" органа украинскихъ
демократій Россіи и Австріи.

В. ВИННИЧЕНКО.

О МОРАЛИ ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ И МОРАЛИ УГНЕТЕННЫХЪ

(Открытое письмо къ моимъ читателямъ
и критикамъ.)

ЛВІВ, 1911.

НАКЛАДОМ ІВАНА СКУЛЬСКОГО.

З друкарні „Народної“, Ліндого 9.

6610 30968 37142

Изданіе „Нашего Голоса“ органа украинской
соціалдемократіи Россіи и Австріи.

В. ВИННИЧЕНКО.

1295
Др. Уфимовичу 1946.

О МОРАЛИ ГОСПОДСТВУЮЩИХЪ :: И МОРАЛИ УГНЕТЕННЫХЪ ::

(Открытое письмо къ моимъ читателямъ
и критикамъ.)

(Переводъ съ украинскаго.)

ЛЬВІВ, 1911.

НАКЛАДОМ ІВАНА СКУЛЬСКОГО.

З друкарні „Народної“, Ліндого 9.

БІБЛІОТЕКА РУССКОГО НАРОДНОГО УНИВЕРСИТЕТА
* 60 ЛЬВІВЪ *

1075 (24v)

Львівська державна
наукова бібліотека

728

Въ послѣднее время въ русскихъ журналахъ и газетахъ стали появляться статьи о моихъ литературныхъ работахъ. Я не могу пожаловаться на недостатокъ строгости этихъ статей. Не могу этого сдѣлать и по отношенію къ тому вниманію, которое удѣляется мнѣ людьми, писавшими эти статьи. Писали люди различныхъ направленій, но того вниманія, какого я бы хотѣлъ, я не нашелъ въ статьяхъ, посвященныхъ моимъ работамъ. Вниманіе критиковъ останавливалось на поверхностномъ, болѣе всего замѣтномъ и — умышленно или нѣтъ, — не проникало глубже. Отъ этого, мнѣ кажется, статьи эти носили характеръ односторонности и — часто видимаго пристрастія.

То, что этимъ страдали статьи людей враждебнаго мнѣ міропониманія, меня не удивляетъ и не огорчаетъ. И не ихъ статьи принуждаютъ меня взяться за перо для объясненія. Вызываетъ меня на это отношеніе ко мнѣ людей, находящихся въ одномъ лагерѣ со мной.

Не знаю, „принято-ли,“ чтобы беллетристъ вступалъ въ такія объясненія со своими читателями и критиками, но я долженъ это сдѣлать.

И вотъ почему. Я не только художник, я — еще членъ извѣстной соціальной группы; я принимаю участіе въ ея жизни, — чѣмъ могу, помогаю, такъ или иначе борюсь съ тѣмъ, что нахожу неправильнымъ.

Я причисляю себя къ группѣ социалистической и при томъ той, которая организована на основѣ марксизма.

Среди людей, писавшихъ о моихъ работахъ и, значитъ, сообщавшихъ всему обществу свои мысли обо мнѣ, находились и марксисты.

Въ этихъ статьяхъ они называли меня „рenegатомъ, отступникомъ, защитникомъ реакціи, негодяемъ, мерзавцемъ, сутенеромъ, подголоскомъ охранителей мѣщанства“ и т. п. (Я выписываю буквально всѣ эпитеты, которые встрѣчалъ въ статьяхъ, пропуская многіе, которые мнѣ кажутся сказанными „за компанію“). Попадались и такія выраженія: „отсюда и до провокаторства недалеко“.

Какъ видитъ читатель, обвиненія настолько серьезны, что пройти ихъ обычнымъ молчаніемъ — совершенно невозможно. И вотъ этимъ письмомъ я хочу обратиться къ суду читателей и членовъ упомянутой группы.

Я не „полемизировать“ хочу съ обвинителями, не авторское самолюбіе говоритъ во мнѣ, я хочу, прежде всего снять съ себя тяжелое обвиненіе, такъ неосторожно и поспѣшно возведенное на меня. Попутно же хочу объяснить то, что я, быть можетъ, неявно сказалъ въ своихъ работахъ и что, какъ мнѣ кажется, было отчасти причиной такого рѣзкаго и враждебнаго отношенія ко мнѣ.

И не только къ читателямъ, къ самимъ моимъ критикамъ обращаюсь (не къ крикунамъ, не къ тѣмъ, что подхватываютъ послѣдній крикъ моды, а къ честнымъ, искреннимъ и убѣжденнымъ людямъ). Если они захотятъ выслушать меня спокойно, если повѣрятъ, что я тоже могу честно и убѣжденно искать истины, если съ самаго начала не задутся цѣлью „разнести“ меня, а отнесутся съ обѣ-

ективнымъ вниманіемъ къ тому, что я скажу, — я большего отъ нихъ не потребую.

Я понимаю, въ наше время трудно быть спокойнымъ и объективно-внимательнымъ. Въ особенности тому, кто потерпѣлъ неудачу, кого отовсюду гонять, отъ кого отступаются даже тѣ, кто были раньше съ нимъ.

Теперь начинается замѣчаться въ Россіи стихійный подъемъ общественной жизни. Потерпѣвшіе неудачу понемногу приходятъ в себя, оживляются и сознательными усиліями стараются помочь развитію желаннаго имъ явленія. Каждая мелочь, мѣшающая этому, вызываетъ раздраженіе, все, что кажется мало-мальски подозрительнымъ, отбрасывается и зачисляется во враждебный лагерь.

Этимъ я объясняю ту злобную торопливость, легкость и поверхностность, съ которой критики-марксисты возвели на меня такіа обвиненія, которыя въ другое время они, по крайней мѣрѣ, обдумали бы и обосновали прежде, чѣмъ публично высказывать ихъ.

Но кромѣ указанныхъ мною причинъ враждебности, есть еще одна причина, заключающаяся въ самомъ содержаніи моихъ работъ. Изъ этихъ работъ особенное вниманіе остановили на себѣ: пьеса „Щаблі життя“ (на русскомъ языкѣ нѣтъ), рассказы „Моментъ“, „Купля“ и повѣсть „Честность съ собой“. Последняя, собственно, и вызвала всѣ эти обвиненія. Къ сожалѣнію, эта повѣсть (помѣщенная въ 5-омъ сб. „Земли“) конфискована. Но я прошу читателей постараться достать ее и, внимательно прочитавъ ее, прочесть затѣмъ статьи моихъ обвинителей и провѣрить съ этимъ письмомъ моимъ. Если возможно, прошу мнѣнія свои письменно со

общить въ редакцію этого журнала.*) Чѣмъ болѣе эти мнѣнія будутъ обоснованы, чѣмъ больше ихъ будетъ, тѣмъ яснѣе станетъ вопросъ. Я осмѣливаюсь на такое предложеніе читателямъ не только потому, что на моемъ групповомъ и партійномъ имени лежитъ тяжелое обвиненіе, но еще и изъ того соображенія, что каждый читатель, беря на себя роль судьи, постарается добросовѣстно и по возможности полнѣе ознакомиться съ тѣми вопросами, которые ему прійдется разрѣшить. (Эти же вопросы, насколько я могу судить, не очень часто подымались въ марксистской прессѣ). Затѣмъ — и для меня и для другихъ будетъ гораздо убѣдительнѣе приговоръ, вынесенный цѣлой группой, чѣмъ приговоръ нѣсколькихъ человекъ. Наконецъ (каково бы ни было рѣшеніе группы), такая анкета заставитъ критиковъ, которымъ вручена обществомъ власть судить и миловать, впредь выступать предъ этимъ обществомъ съ сужденіями болѣе продуманными обоснованными и не злоупотреблять своей властью по какимъ бы то ни было соображеніямъ. А это злоупотребленіе, нужно сознаться, не только въ продажной, но и въ честной идейной прессѣ встрѣчается нерѣдко.

Теперь я буду по возможности полнѣе и точнѣе излагать обвиненія моихъ критиковъ и одновременно давать свои объясненія.

Прежде всего я принужденъ сдѣлать хронологическую поправку въ обвиненіи одного изъ критиковъ, г. Львова-Рогачевского.

Въ своей статьѣ „Поворотное время“ (Соврем Міръ, Апрель, 1911 г.) г. Львовъ говорить:

*) Адресъ для заграницы: Redaction „Nasch Holos“ Batorystrasse, 6, Lemberg, Oesterreich.

„Семь смиренныхъ прокуроровъ изъ „Вѣхъ“ вручили революціонной интеллигенціи свой обвинительный актъ, а Ропшинъ, О. Миртовъ и Винниченко поспѣшили отъ лица обвиняемаго, которому ротъ зажать, сказать свое покаянное: „Да, виновенъ“.

Такимъ образомъ, выходитъ, что я, въ дни распада, пользуясь безопасностью, слѣдуя за „Вѣхами“ обвинилъ и оклеветалъ русскую интеллигенцію,

Это невѣрно. Поправляя пока хронологическую невѣрность допущенную г. Львовымъ, я могу сказать, что большую часть сказаннаго мной въ разбираемой г. Львовымъ „Честности съ собой“, я уже высказалъ гораздо раньше появленія „Вѣхъ“, раньше, можетъ быть, того, какъ эти прокуроры изъ марксистовъ сдѣлались тѣми защитниками всего враждебнаго марксизму, какими они теперь выступаютъ.

Восемь лѣтъ тому назадъ, когда русская интеллигенція была не „съ зажатымъ ртомъ“, когда социалистическое движеніе среди нея росло съ поистинѣ сказочной быстротой и силой, когда волны его заливали не только грязныя рабочія казармы, но и свѣтлыя хоромы баричей, — я уже тогда „обвинилъ“, мнѣ уже тогда бросилось въ глаза явленіе, которое не перестаетъ занимать меня и до сихъ поръ. Впервые я выступилъ съ нимъ въ повѣсти „Мое последнее слово“ написанной мной въ 1903—4 году. Но тогда это явленіе не могло выступить съ такой отчестливостью, какъ позже, когда за социализмъ стали цѣпляться всѣ, кому это было удобно или пріятно. Въ пьесѣ „Дизгармонія“ (1905 годъ) я уже рѣшительнѣе подчеркнул черты замѣченнаго мною явленія. Дальнѣйшія работы были развитіемъ моего отношенія къ нему

и исканіемъ способовъ борьбы съ нимъ. „Щаблі життя“ и „Честность съ собой“, (попавшая какъ разъ въ чадную полосу „Вѣхъ“) выражаютъ эти мои исканія. Фактическую сторону этой поправки подтвежаетъ и г. Арабажинъ въ своей статьи „В. Винниченко“ (Новая Жизнь, IX, 1911 г.).

Кстати, поправлю ужъ и г. Арабажина въ подобной же „невѣрности“. Не могу не отмѣтить, что мнѣ придется не разъ поправлять моихъ обвинителей, не вѣрно передающихъ факты или слова изъ моихъ работъ.)

Г. Арабажинъ, какъ можетъ всякій провѣрить, — склоненъ относить тѣ мои работы, которыя ему почему либо нравятся къ тому времени, когда я еще „не призывалъ къ апологіи одичанія“ (та же его статья). „Не справился со своими большими задачами талантливый художникъ и его послѣднія (курсивъ мой) произведенія цѣнны только, какъ человѣческій документъ, свидѣтельствующій о дняхъ моральнаго и соціального распада“.

Развѣ это вѣрно, г. Арабажинъ? Вѣдь Вы должны знать, что и „обаятельный образъ Зины, поставившей общее благо выше личнаго“, и рассказъ „Нѣчто большее насъ“, и „Глумленіе“ — все это написано позже того, какъ я началъ „призывать къ апологіи одичанія“ и „соціального распада“.

Г. Львовъ тоже знакомъ съ моими работами на украинскомъ языкѣ и онъ долженъ знать, что и когда я писалъ.

И по этому я считаю себя вправѣ спросить обоихъ, зачѣмъ имъ понадобилось это искаженіе фактовъ?

Но это, конечно, „невѣрности“ незначительныя. Онѣ могли быть допущены авторами по небрежности, авторы могли объяснять себѣ эти про-

творѣчія въ моихъ работахъ колебаніемъ и борьбой различныхъ „началь“ во мнѣ.

Но вотъ дальнѣйшія „невѣрности“ я предлагаю на судъ самихъ критиковъ и читателей.

Прежде всего, какъ опредѣляютъ и объясняютъ критики идею „честности съ собой“, которую я старался провести въ повѣсти того же названія?

(Соглашаюсь съ г. Львовымъ, — эта повѣсть написана съ явной тенденціей. Я сожалею, если неумѣло провелъ ее, но не сожалею о томъ, что взялся художественными средствами дѣлиться съ другими людьми своими наблюденіями надъ жизнью и выводами изъ нихъ).

Г. Арабажинъ такъ пишетъ въ той же статьѣ: „Миронъ (выразитель этой идеи) типъ анархиста, „честнаго только съ собой“ и вѣрнаго только влеченіямъ своихъ инстинктовъ“. (стр. 136)

Честность съ собой это — „полный маразмъ, проповѣдь звѣриныхъ инстинктовъ и права экспроприаций“... „свобода одичанія, экспроприаций, шулерства и насильничества“.

Г. Львовъ пишетъ:

Честность съ собой это — „возвращеніе къ первобытному состоянію, торжество звѣринаго образа въ человѣкѣ“... отъ нея „пахнетъ анархизмомъ“, — это „просто цинизмъ, просто „игра, въ открытую“ (Совр. Міръ). „Наконецъ, всѣ „аргументы отъ тѣла“ всѣ эти объясненія „тѣлесными причинами“, вся эта проповѣдь наслажденія, цѣлыя фразы точно перешли по наслѣдству къ Мирону отъ Санина“. (Харьковское Утро, ст. „Герои Тьмы“.)

Опредѣленій другихъ критиковъ я не имѣю подъ руками, но всѣ они говорятъ одно и то же.

Выходя изъ такого опредѣленія основной моей идеи, критики, конечно, очень легко перешли и къ

выводамъ-обвиненіямъ, начиная съ мѣщанства и кончая близостью къ провокаторству.

Оставляя пока въ сторонѣ свои объясненія по поводу обвиненій, я попробую дать свое опредѣленіе идеи „честности съ собой“. Я заранѣе прошу у читателей извиненія за длинноты и повторенія, которыя будутъ встрѣчаться въ моемъ изложеніи, а также за цитаты изъ собственныхъ работъ. Но это я считаю неизбѣжнымъ, во первыхъ, потому, что мнѣ „зажать ротъ“, т. е. моя книга конфискована, какъ я сказалъ, и не всякій ее сможетъ достать. Во вторыхъ, меня къ этому принуждаетъ опытъ: почти на каждой страницѣ моей повѣсти есть, какъ мнѣ казалось, ясное доказательство противного словамъ критиковъ и все таки меня обвиняють въ томъ, чего я никогда не говорилъ.

Еще одно: прежде чѣмъ выслушивать мои объясненія (или же объясненія за Мирона его же словами и поступками), я прошу у читателей довѣрія къ этимъ словамъ и поступкамъ Мирона, т. е. если Миронъ говоритъ или совершаетъ, по мнѣнію читателей, дурное, мерзкое, то вѣрить искренности его столько же, сколько и хорошему, если оно найдется. Ни меня, ни Мирона читатели провѣрить не могутъ, не могутъ войти къ намъ въ душу, могутъ судить только по нашимъ высказываньямъ. Критики охотно вѣрятъ всему дурному, что Миронъ дѣлаетъ, но хорошіе его (и другихъ лицъ въ повѣсти) поступки объясняютъ „лицемѣріемъ, прикрываніемъ, демагогіей“ и т. п. Я десятый годъ работаю въ украинской литературѣ, все время я старался честно и откровенно высказываться; я могу заблуждаться, могу не понимать того, о чемъ берусь писать, но никогда я не позволялъ себѣ лицемѣрить, прикрывать свои тайныя цѣли красивыми словами.

Всякое указаніе въ ошибочности моихъ сужденій, даже полное разрушеніе моихъ „проповѣдей“ я постараюсь принять какъ можно объективнѣе; если увижу правоту моихъ противниковъ, найду въ себѣ мужество отказаться отъ своихъ ошибокъ. Только на этомъ условіи и возможно дальнѣйшее объясненіе. Надѣясь, что читатели не откажутъ мнѣ въ этомъ, я продолжаю.

Идея „честности съ собой“ зародилась во мнѣ, — я уже сказалъ, — давно. Еще въ то время, когда всякій называвшій себя революціонеромъ представлялся героемъ, когда „душа была вознесена къ образамъ Радищева, Перовской“, — уже тогда я сталъ замѣчать какое то несоотвѣтствіе окружающей меня реальной жизни съ созданными молодымъ воображеніемъ представленіями. Я всматривался въ эту жизнь, вдумывался въ ученіе социализма, но чѣмъ болѣе я это дѣлалъ, тѣмъ рѣзче становилось въ моихъ глазахъ это несоотвѣтствіе.

Раньше всего я на самомъ себѣ замѣтилъ это противорѣчіе. Я считалъ себя передовымъ человекомъ, членомъ социалистической организаціи, я искренно и горячо протестовалъ противъ социальныхъ несправедливостей, я во имя этого протеста шелъ въ тюрьму, готовъ былъ идти на смерть за торжество своихъ политическихъ и социальныхъ убѣжденій. Въ то время я уже написалъ нѣсколько рассказовъ, въ которыхъ выражалъ свои настроенія, свой протестъ противъ социальныхъ несправедливостей. Критики нашли въ нихъ и пониманіе народной души, и искреннее отношеніе къ угнетеннымъ, и проповѣдь „правды и свободы“, словомъ все, что можно найти въ рассказахъ „изъ народной жизни“ у автора не враждебнаго народу.

Но меня это не успокаивало. Я не лгалъ въ этихъ рассказахъ, не проливалъ лицемѣрныхъ и

сентиментальныхъ слезъ, о, если бы только это, то все было бы улажено. Но я самъ передъ собою зналъ, что мои рассказы, мое участіе въ партіи, мои тюрьмы, мои горячія прокламаціи — все это искренно, все это есть во мнѣ, я не лгу ни себѣ на другимъ въ этомъ, но... но все таки это не то. Въ обыденной жизни я жилъ несоотвѣтственно этому. Я, напримѣръ, не смотря на свою вѣру въ свѣтлое, чистое ученіе социализма, чувствовать себя правственно преступникомъ — я посѣщалъ публичные дома, иногда не прочь былъ выпить, приходилось лгать изъ конспираціи своимъ же товарищамъ, быть нечестнымъ съ самыми близкими людьми, притворяться передъ жандармами, часто совершать несправедливые и грубые поступки. Это все не соответствовало представленію о социалистѣ, какъ о человѣкѣ высшей правственности, героѣ и святомъ. Это, конечно, мучило, заставляло бороться съ собой, заставляло еще внимательнѣе присматриваться къ окружающей жизни. Но то, что я началъ замѣчать и здѣсь, не только не успокоило меня, а привело въ еще большее недоумѣніе и отчаяніе. Я увидѣлъ, что большинство моихъ товарищей тоже не святые, ихъ обыденная и даже партійная жизнь не соответствуетъ высокимъ образцамъ революціонеровъ прежнихъ временъ. Они въ большей или меньшей мѣрѣ дѣлали все то же, что и я.

Я написалъ пьесу „Дизгармонія“, въ которой подѣлился съ читателями своими мыслями и наблюденіями. Грыцько, наиболѣе страдавшій отъ этого разлада, говоритъ въ этой пьесѣ: „Я увѣренъ, что каждый изъ насъ, заглянувъ въ себя, иногда пугается: Какъ? Мы — вѣдь передовые люди, мы — борцы за правду, за добро, мы должны быть чистыми, высокими. А мы такъ же точно, какъ и

всѣ, ходимъ въ публичныя дома, сидимъ въ трактирахъ, интригуемъ, сплетничаемъ, лжемъ, завидуемъ. Идея только вначалѣ насъ подымаетъ, а потомъ мы становимся чиновниками ея. У насъ фигура рабочаго уже гдѣ то пропадаетъ и мы имѣемъ какое то лишь абстрактное понятіе „рабочій классъ, масса“ и т. д.

Ольга. Довольно объ этомъ, это тебя волнуетъ...

Грыцько. Нѣтъ, погоди... Это интересно. Мы и такъ очень рѣдко говоримъ объ этомъ. Это наша большая ошибка, что мы такіе вопросы оставляемъ гдѣ то назади. Мы требуемъ отъ агитатора, чтобы онъ прочелъ то-то и то-то, чтобы онъ зналъ нашу партійную программу. И совсѣмъ не интересуемся, какая его моральная программа. Онъ можетъ быть самымъ подлымъ человѣкомъ, намъ до этого нѣтъ никакого дѣла, это, молъ, его частная жизнь. Да въ чемъ же наша общественная работа? Что мы должны нести рабочимъ? Мы должны сдѣлать ихъ сильными, мы должны имъ дать идеаль противоположный грязной теперешней дѣйствительности. Да развѣ можетъ рабочій повѣрить мнѣ, если видить, что я, тотъ, который говорю ему о борьбѣ, о смѣлости, я — трусъ. самый жалкій трусъ? Развѣ онъ можетъ повѣрить въ необходимость честности, если знаетъ, что его учитель беретъ деньги взаймы и никогда не возвращаетъ? Развѣ только въ томъ ученіе социализма, чтобы знать объ уничтоженіи капитализма? Уничтоженіе капитализма есть средство, а идеаль социализма — гармонія жизни широкой, полной, великой. Мы это упускаемъ изъ виду...

Мартынь. Что же вы хотите, чтобы мы только монаховъ принимали въ партію?

Грицько. Я ничего не хочу, потому что самъ не знаю, чего, собственно, нужно хотѣть. Я только вижу, что мы — дисгармоничны, что мы не поднялись до нашего разума, что мы вытягиваемся головой вверхъ, а тѣло опускается къ землѣ и получаютъ какія то бессмысленныя фигуры, какія то свиньи съ головами жирафовъ.

..... ,

Когда появилась эта пьеса, мои товарищи-марксисты обрушились на меня цѣлымъ потокомъ негодованія, злобы и насмѣшекъ. Меня обвинили въ оклеветаніи интеллигенціи, въ пессимизмѣ. И ни одинъ изъ тѣхъ, кто признавалъ важность затронутыхъ вопросовъ, не осмѣлился публично выступить и сказать: „Товарищи, бранью и прятаньемъ головы въ песокъ дѣлу помочь нельзя, давайте лучше обсудимъ, что вѣрно и что невѣрно въ мысляхъ и наблюденіяхъ нашего товарища“. Въмѣсто этого выискивали, кого изъ знакомыхъ я „вывелъ“ въ пьесѣ, на кого написалъ этотъ „пасквиль“, кого оклеветалъ. И того не замѣчали, что я прежде всего себя самого вывелъ, свой стыдъ, свои сомнѣнія, свои исканія.

Конечно, ни равнодушіе товарищей, ни ихъ негодованіе, не могли убѣдить меня въ чемъ либо. Но страстность ихъ брани заставили меня задуматься: почему? Вѣдь я лично знаю тѣхъ людей, которые писали эти статьи, полныя гнѣва, и имъ и мнѣ извѣстно, что мы не святые, можетъ быть и они мучились этимъ, почему же такое возмущеніе, когда я открыто, честно сознался въ этомъ злѣ, когда этимъ сдѣлалъ шаль къ уничтоженію его?

Многіе мнѣ говорили: „Нельзя такъ писать о революціонерахъ, это вредитъ общему дѣлу, это подрываетъ авторитетъ интеллигенціи“. Вначалѣ

эти аргументы мнѣ казались убѣдительными, но потомъ я увидѣлъ ихъ несостоятельность, я увидѣлъ, что закрываніе своихъ ранъ больше повредить общему дѣлу, чѣмъ смѣлое, мучительное обнаруженіе и лѣченіе ихъ.

„Но вы вѣдь клеветеете на интеллигенцію, вы ее описываете лицемерной, лживой, нечестной“ — говорили другіе. „Да нѣтъ же! — отвѣчалъ я имъ, удивляясь ихъ непониманію — наоборотъ, я ихъ считаю самыми искренними, честными, сознательными людьми во всемъ обществѣ; если бы я хотѣлъ описывать лицемеровъ, я нашелъ бы лучшіе экземпляры въ другой средѣ“.

Но то-то и дѣло, что объ этихъ „другихъ средахъ“ и говорить нечего было — тамъ просто одинъ глупый, жестокий, упрямый эгоизмъ, невѣжество, раболопство, ложь и темнота. Меня какъ разъ занимало, мучило то, что самые лучшіе, искренніе люди общества роковымъ образомъ поступали, не желая даже того, не такъ, какъ слѣдовало бы. „Соціальныя противорѣчія, что подѣлаешь“ — отвѣчали мнѣ на это, какъ отвѣчаютъ теперь гг. Арабаджинъ и Львовъ.

И это объясненіе, эти два слова вполне удовлетворяли моихъ оппонентовъ. Но мнѣ этого мало было. Я не могъ примириться съ тѣмъ, что все общество, всѣ слои его были безнравственны. Есть извѣстныя всѣмъ, установленныя закономъ, обычаемъ нормы морали: нельзя красть, нельзя лгать, обманывать, прелюбодѣйствовать, производить насилія и т. д. И тѣмъ не менѣе нѣтъ ни одного человѣка, который бы не солгалъ, не обманулъ, не прелюбодѣйствовалъ, хотя бы „въ помышленіи своемъ“. Не говоря уже о крестьянахъ, рабочихъ, которымъ некогда думать надъ своими „грѣхами“, у которыхъ нѣтъ для этого мыслительныхъ средствъ, но поче-

му наиболѣе сознательные, отдающіе себѣ отчетъ во всякомъ своемъ помышленіи, почему они нарушаютъ эти установленныя, признанныя заповѣди. Ясно вѣдь и опредѣленно сказано: „не лги, не лги никогда и никому“. И знающіе это, клеймящіе ложь, сами лгутъ. Да и какъ не лгать, если ты живешь по чужому паспорту? Одинъ этотъ фактъ — уже ложь и обманъ. А если тебя арестуютъ жандармы и предлагаютъ такіе вопросы, правдивые отвѣты на которые погубятъ всю организацію, то что нужно дѣлать? Конечно, лгать и чѣмъ правдоподобнѣе, тѣмъ лучше.

Выходитъ, иногда лгать можно? Но когда же можно, а когда нельзя? Судя по этому случаю, лгать можно врагу, лгать можно тогда, когда ложью спасаешь многихъ людей.

Но подобныхъ случаевъ очень много и въ каждомъ можетъ быть что нибудь новое, нарушающее выведенную изъ перваго случая норму. Напримѣръ: близкій человѣкъ находится въ тяжеломъ критическомъ состояніи болѣзни. Онъ хочетъ знать о дорогомъ ему человѣкѣ, который вчера умеръ. Если сказать правду больному, она его такъ потрясетъ, что болѣзнь можетъ окончиться смертью. Можно-ли солгать въ такомъ случаѣ? Не только можно, но необходимо, иначе правда будетъ убійствомъ.

Каждому приходилось встрѣчаться съ такими случаями и каждый, навѣрно, не слѣдовалъ категорическому повелѣнію „не лги“.

Что же можетъ вывести изъ такихъ случаевъ человѣкъ хотящій ясности и точности въ своей жизни? Во первыхъ, онъ можетъ сказать: абсолютный характеръ заповѣди „не лги“ нелѣпы, невозможенъ и вреденъ. Иногда слѣдуетъ лгать. Когда именно слѣдуетъ, всегда-ли или же только

иногда, это пока неясно, ясно лишь, что категорическій, абсолютный характеръ невозможенъ.

Если коснуться всѣхъ заповѣдей современной морали, то и относительно всѣхъ надо признать, что абсолютный характеръ уступаетъ характеру условному. Даже ярые защитники абсолютной морали, казенные суды признають это. Судя украваго, считаются не только съ однимъ фактомъ нарушенія заповѣди (статьи закона) но и съ тѣми условіями, при которыхъ это произошло. И, бываетъ, что не находится ни одного челоука, который бы не оправдалъ укравшаго.

Но тутъ возникаетъ сейчасъ же такое сомнѣніе: если абсолютный характеръ морали невозможенъ, то, значить, можно лгать, красть, обманывать, насиловать? Если признать это, то наступитъ полное одичаніе людей?

Передъ такимъ соображеніемъ я, было, остановился. Назадъ мнѣ идти было невозможно, невозможно признать то, что отергнуто и разумомъ и чувствомъ. Тогда я попробовалъ обмануть себя такимъ образомъ. Пусть, думалъ я, современная мораль будетъ идеаломъ, къ которому всѣ должны стремиться, не живая, регулирующая отношенія людей норма, а нѣчто недостижимое; пусть она будетъ похожа на высоко подвѣшенный передъ собаками кусокъ мяса; какая изъ собакъ выше всѣхъ прыгнетъ, та и лучше всѣхъ, которая лѣнивая, хочетъ какъ нибудь украсть недостижимое, ту наказать. Если абсолютный характеръ совр. морали невозможенъ, то карательный, принудительный — возможенъ и необходимъ. Современный судъ съ его страхомъ наказанія, общественное мнѣніе — вотъ тѣ поправки къ идеалу, они живыя нормы, устанавливающія порядокъ отношеній людей.

Но, понятно, обманывать себя можно такъ только тому, кому этотъ самообманъ выгоденъ, кто покорно и беззавѣтно вѣритъ въ непогрѣшимость этихъ нормъ. Я же только съ отчаянія прибѣгнулъ къ защитѣ этихъ сомнительныхъ стражей истины. Достаточно было открыто и прямо посмотреть имъ въ глаза, чтобы увидѣть въ нихъ самыхъ обыкновенныхъ мошенниковъ, отъ которыхъ слѣдуетъ быть подальше.

Какъ же быть? Мнѣ представлялось три возможности: 1) отбросить какую бы то ни было мораль и красть, лгать, обманывать, дѣлать все то что мнѣ хочется 2) признать истинность современной морали и, будучи послѣдовательнымъ, дѣлать абсолютно все, что она велитъ и 3) поступать такъ, какъ поступаютъ всѣ, такъ называемые порядочные люди: не думать много объ этихъ противорѣчяхъ, жить, какъ живутъ всѣ, стараться по возможности быть честнымъ, правдивымъ, когда эта правдивость будетъ нарушать приличія или же станетъ переходить „чувство мѣры“, приостановить ее, замѣнивъ общепринятой, спокойной и удобной ложью.

Но ни перваго, ни втораго, ни третьяго я не хотѣлъ и не могъ принять.

Я снова обратился къ замѣченнымъ мною противорѣчьямъ. Почему, въ сотый разъ думалъ я, всѣ люди видятъ и знаютъ несостоятельность заповѣдей старой морали и все таки держатся за нихъ? Почему даже самые лучшіе изъ людей знаютъ эти заповѣди и все таки нарушаютъ ихъ? „Не украдь, не убій, не прелюбы сотвори“ и тутъ же рядомъ существуютъ законы охраняющіе право кражи одной группы людей у другой, существуютъ общественные институты для убійства, прелюбодѣйство часто носить названіе законнаго брака. Почему, когда революціонеры убиваютъ людей на

баррикадахъ, это не убійство, а подвигъ? Почему когда правительство вѣшаетъ революціонера, то извѣстная часть общества называетъ это „казнью преступника“, а не нарушеніемъ заповѣди „не убій?“

И вотъ еще что; и тѣ и другіе считаютъ другъ друга безнравственными, подлецами и т. д. Но и тѣ и другіе имѣютъ своихъ близкихъ людей, которые ихъ любятъ, цѣнятъ, уважаютъ. Даже какой нибудь Дайблеръ, французскій палячъ, ведущій свое ремесло по наслѣдству отъ дѣда и отца, и тотъ находитъ кругъ людей, цѣнящихъ его и, возможно, любящихъ.

А такое явленіе: семья фабриканта и семья рабочаго. У того и у другого есть дѣти, друзья. Чѣмъ искуснѣе и плодотворнѣе фабрикантъ заставить работать на себя рабочаго, чѣмъ болѣе умѣло и тонко онъ пользуется средствами защиты себя отъ недовольства его, тѣмъ богаче его семья, тѣмъ болѣе любятъ его дѣти, тѣмъ выше цѣнятъ его друзья. И съ другой стороны, чѣмъ упорнѣе и хитрѣе изворачивается рабочій, чѣмъ умѣлѣе пользуется средствами защиты себя отъ фабриканта, тѣмъ и его дѣти и друзья больше любятъ и уважаютъ его. Но и тамъ и тамъ считаютъ себя правыми.

И почему когда я вижу на улицѣ дитя въ лохмотьяхъ, иззябшее и голодное, я болѣе или менѣе хладнокровно отношусь къ этому „продукту ненормальныхъ социальныхъ отношеній“. И почему, когда я неожиданно представлю себѣ, что это моя дочь или сестренка, то сердце мое невольно сжимается и холодѣетъ?

Все это заставляетъ сдѣлать такіе выводы: во первыхъ, люди стараются дѣлать добро самымъ близкимъ своимъ. Къ этому ихъ побуждаютъ и ин-

стинкты и соображенія собственной выгоды: близкіе скорѣе всего окажутъ въ нуждѣ помощь.

Во вторыхъ, суть отношеній не въ томъ, какъ они называются, а въ томъ благѣ или злѣ, которое заключается въ нихъ.

Отсюда невольно приходишь къ такому соображенію: въ этихъ старыхъ, окаменѣвшихъ нормахъ: „не укради, не убій“ когда то было содержаніе: благо своихъ близкихъ. Когда то, когда люди жили большими семьями, когда всѣ были свои, эти нормы имѣли живой и дѣятельный характеръ, эти нормы служили благу семьи. Но такъ какъ людямъ свойственно все благое производить отъ Бога а дурное отъ Дьявола, то эти нормы тотчасъ же получили характеръ божественный. На помощь людямъ былъ позванъ Богъ, Богъ — вѣченъ и, значитъ, вѣчны его заповѣди. Семьи разбились на множество другихъ семей, изъ нихъ образовались племена и государства, появились новыя комбинаціи отношеній людей, а заповѣди, какъ данная вѣчнымъ Богомъ, остались въ томъ же неизмѣнномъ видѣ. Современное общество уже не простая громадная семья какихъ нибудь бродящихъ по пустынямъ евреевъ, гдѣ отношенія, интересы, цѣли всѣхъ одинаковы, а несмѣтное скопленіе маленькихъ раздробленныхъ семей.

„Ну, что же — можно бы сказать — пусть много этихъ семей, почему же имъ нужно враждовать между собой? Развѣ не всѣ люди? Развѣ такъ трудно бродящую въ лохмотьяхъ дѣвочку представить себѣ своей дочерью, почувствовать состраданіе и отнестись къ ней, какъ къ дочери? Развѣ мало средствъ на землѣ, чтобы прокормить всѣхъ? Пусть человечество будетъ одной семьей, гдѣ не нужно употреблять ни наказаній, ни запрещеній, ни вражды, ни борьбы.

Такъ, собственно, думалъ Христосъ. Такъ думали и утописты-соціалисты, Оуенъ, Сенъ Симонъ, Фурье. Да и въ самомъ дѣлѣ, — почему бы не устроить изъ человѣчества одну большую семью, гдѣ всѣ братья, гдѣ любятъ другъ друга такъ же, какъ въ этихъ маленькихъ семьяхъ? Неправда, что люди неспособны къ любви, во всякомъ есть „искра Божья“, любятъ же они въ своихъ семьяхъ? Самые, казалось бы, суровые, жестокіе люди и тѣ въ своемъ кругу становятся добрыми, любовными. Они могутъ, значить, любить и другихъ людей, нужно только объяснить имъ, доказать, что они ничего не потеряютъ, а только выиграютъ отъ этого. Да даже и этого не надо дѣлать, просто открыть имъ глаза, натолкнуть ихъ на мысль о семьѣ-человѣчествѣ. Вѣдь это такъ ясно и просто: вражда-зло, а любовь благо. Если ты можешь любить пять человѣкъ, почему ты не можешь ратпространить эту любовь на пятьсотъ, на миллионъ, на всѣхъ людей? Любите всякаго ближняго какъ самого себя и вы сами увидите, какъ это будетъ хорошо.

Но странное дѣло, какъ ни старались утописты-соціалисты, люди почему-то не слушались ихъ, знали, соглашались даже, что, дѣйствительно, не должно бы быть плохо, если бы устроить такой порядокъ, но сами продолжали жизнь по прежнему.

Утописты были въ полномъ недоумѣніи и отчаяніи — люди злы, развращены, безнадежно испорчены, ихъ сознаніе не воспримчиво къ идеямъ любви и добра.

Но вотъ появился человѣкъ, который тоже думалъ надъ этимъ, который видѣлъ усилія утопистовъ, который изучилъ жизнь людей въ прошломъ — и ему эта жизнь дала другіе выводы.

„Оставьте вы свои бесполезныя обращенія къ сознанию капиталистовъ — сказалъ онъ утопистамъ — не сознание опредѣляетъ бытіе, а бытіе сознание. Какъ люди живутъ, такъ они и думаютъ. Какъ вы хотите, чтобы капиталистъ отказался отъ своихъ богатствъ и образа жизни, одно нарушеніе котораго доставляетъ ему истинное страданіе? Да и зачѣмъ ему это? Онъ считаетъ себя двигателемъ прогресса, благодаря ему развивается техника, проводятся пути сообщенія съ одного конца земли на другой, растетъ наука, знаніе. Да и невозможно сдѣлать это каждому въ отдѣльности, онъ связанъ съ другими капиталистами, его уходъ доставитъ его ближнимъ вредъ. И все это, наконецъ, глупыя мечтанія, такъ какъ наука ясно доказываетъ, что раздѣленіе труда въ обществѣ необходимо, что даже животныя подаютъ намъ примѣръ такой жизни“.

„Правы-ль капиталисты или нѣтъ — продолжаетъ Марксъ — но дѣло въ томъ, что вся исторія людей говоритъ намъ о борьбѣ ихъ между собой. Жизнь ихъ шла вотъ по такимъ-то и по такимъ-то необходимымъ законамъ и, надо полагать, эти законы будутъ дѣйствовать и дальше. Сознаніе людей-тоже необходимый продуктъ этихъ законовъ, оно стоитъ въ неизбѣжной связи съ другими.

Исторія людей — это исторія борьбы классовъ. Борются люди за то, что обезпечиваетъ наиболѣе легкую, удобную жизнь. Наиболѣе способствуетъ этому обладаніе матеріальными предметами — жилище, пищевыя средства, одежда. Сильные побѣждаютъ слабыхъ и отнимаютъ у нихъ эти предметы. Страхъ, что побѣжденные неимущіе отнимутъ, вызываетъ охрану, — появляются заповѣди, законы, морали. Имущіе соединяются другъ съ другомъ,

становятся еще сильнѣе и образуютъ классъ господствующихъ.

Жизнь шла, расширялась, умножалась новыми явленіями, но на всемъ протяженіи исторіи всѣ законы, морали, заповѣди имѣли своимъ содержаніемъ охрану господства имущихъ. Господство же это выражалось всегда въ томъ, что неимущіе должны были производить предметы жизни для имущихъ, за что получали отъ нихъ столько этихъ же предметовъ, сколько необходимо было, чтобы не умереть и мочь работать.

Понятно, что не смотря на довѣріе неимущихъ къ божественности происхожденія заповѣдей, запрещающихъ отнимать у имущихъ продукты ихъ же трудовъ, они всегда возставали, боролись и бывали побѣждаемы.

Но нужно замѣтить, что неимущіе дѣлали это только тогда, когда жить въ прежнихъ условіяхъ становилось невыносимо, когда матеріальныя отношенія общества переростала ихъ охрану. Напримѣръ, общество находилось, допустимъ, въ фазѣ крѣпостного права. Въ числѣ средствъ охраны господства имущихъ, ихъ матеріальныхъ отношеній было то, что крѣпостные находились въ полной власти владѣтелей, ихъ могли продавать, истязать, даже иногда убивать, не подвергаясь преслѣдованію закона. Это было такъ естественно и правдиво, какъ въ настоящее время владѣніе фабрикой и рабочими.

Но жизнь все движется, матеріальное состояніе этой эпохи перерастаетъ охранительныя нормы, онѣ трещать и лопаются. Черезъ извѣстный промежутокъ времени мужикъ уже не можетъ быть проданъ или обмѣненъ на породистаго щенка. Мораль приспособилась и къ этому положенію.

Я извиняюсь передъ читателями за то, что говорю о такихъ давно всѣмъ извѣстныхъ вещахъ. Но дѣлаю я это вотъ по какой причинѣ. Когда я искалъ выхода изъ своего недоумѣнія, я тоже зналъ эти всѣмъ извѣстныя истины. „Бытіе опредѣляетъ сознаніе“, „исторія — борьба классовъ“, „матеріальныя отношенія создаютъ надстройки, политическія, ѣтическія и т. д.“ Кто не знаетъ этого?

Но когда я въ своихъ исканіяхъ натолкнулся на извѣстную мнѣ давно истину „сознаніе опредѣляется бытіемъ“, я точно откровеніе получилъ. Эти истины похожи на ту истину, что не солнце ходитъ вокругъ земли, а земля вертится вокругъ него. Всѣмъ она извѣстна, эта истина, но всѣ продолжаютъ говорить „солнце взошло, зашло, спряталось за землю“. И какъ смѣшно и нелѣпо звучало бы, если бы кто нибудь вздумалъ говорить: „земля повернулась къ солнцу такимъ то образомъ“.

Вотъ точно такъ же для всѣхъ показалось смѣшнымъ и нелѣпымъ, когда я вздумалъ говорить: „не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе — сознаніе“. „не „надстройки“ опредѣляютъ матеріальныя отношенія общества, а наоборотъ“, „не семья наше общество, а классы людей, борющіеся между собой“.

„Грустно за писателя съ такимъ прекраснымъ началомъ и съ такимъ безнадежнымъ концомъ исканія правды и гармоніи — пишетъ г. Арабажинъ. Автору не хватило силы мысли, не хватило образованія чувства мѣры и необходимаго чувства социальности, чтобы не впасть въ такія грубыя и нелѣпыя крайности выводовъ“ (Нов. Ж. IX, 1911..

II.

Въ чемъ же состояли эти выводы?

Когда мои исканія привели меня къ давно мнѣ теоретически извѣстнымъ положеніямъ марксизма, я понялъ, что нашелъ ключъ къ мучившимъ меня загадкамъ.

Прежде я лишь чувствовалъ, что не могу дѣлать только то, что мнѣ одному пріятно и удобно. Не потому, что я хотѣлъ соблюдать велѣнія морали, нѣтъ, даже совершенно отвергая ихъ, я не могъ слѣдовать однимъ только своимъ индивидуальнымъ желаніямъ. И мнѣ кажется, что всѣ эти теоріи индивидуализма послѣдовательно проведенныя просто нелѣпы и такъ же невозможны, какъ невозможна сухая вода. Люди больные, ненормальные, съ выродившимися инстинктами еще могутъ хотѣть быть индивидуалистами, но человѣку съ болѣе или менѣе нормальными инстинктами, жившему въ обществѣ людей, анализировавшему хоть немного свои переживанія, тому невозможно быть индивидуалистомъ. Мои критики, какъ мнѣ представляется, только по привычкѣ къ принудительному характеру современной морали обвинили меня въ проповѣди индивидуализма. Въ самомъ дѣлѣ, если отвергать обязательность установленныхъ нормъ, то что же остается? Личное желаніе, „дѣлай, что хочешь“. Такъ и я думалъ, но чувствовалъ, что и этого не смогу. Да какъ я смогу отнять у матери, у брата, у своего ребенка то, что имъ необходимо и употребить для своего удовольствія? Не признавая никакихъ заповѣдей, я даже свое необходимое смогу отдать для ихъ удовольствія? Гдѣ же тутъ послѣдовательность? И почему дѣти, еще не вкусившія плодовъ познанія добра и зла, почему они поступаютъ такъ, словно

давно уже жили на свѣтѣ и научились считаться и съ желаніями другихъ? И почему у животныхъ, совсѣмъ не знакомыхъ съ абсолютными нормами заповѣдей, можно встрѣтить трогательные случаи любви и самопожертвованія?

Люди, держащіеся за принудительно карательную мораль, любятъ говорить о „животныхъ инстинктахъ“ о „звѣрствѣ“. Г. Арабажинъ съ безнадежнымъ чувствомъ указываетъ на Мирона, который говоритъ: „Ну, конечно, и я и ты животное. До какихъ поръ будутъ пугать этимъ словомъ“. Не говоря уже о томъ, что въ наукѣ, — въ сознаніи людей — человѣкъ именуется животнымъ, не лишнее кромѣ того помнить, что не все у животныхъ такъ и плохо. Есть у нихъ такія черты, которыми и людямъ не помѣшало бы поучиться.

Да; и у людей и у многихъ животныхъ выработался инстинктъ продолженія вида, а изъ него — общественности. Кто знаетъ, не способствовала ли эта принудительно-карательная мораль утратѣ у многихъ людей великаго соціальнаго инстинкта? Не способствовала ли она угнетенію однихъ людей другими?

Но такъ или иначе я чувствовалъ, что близкимъ своимъ, роднымъ, друзьямъ, товарищамъ, т. е. людямъ родственнымъ мнѣ по своимъ интересамъ, образу жизни я не могу причинить зла въ угоду своему желанію. Когда же я узналъ, что люди во все продолженіе своей исторіи жили только такими группами, связанные общностью и родственностью интересовъ, что эти интересы опредѣляли ихъ сознаніе, значить и ихъ этику, — тогда я понялъ, что единой абсолютной, вѣчной морали не было, быть не можетъ и нѣтъ ея. Эта святыня — того же происхожденія, что

и святыни религіозныя, политическія, экономическія.

Если мы возстали противъ „священнаго“ права собственности, противъ „священныхъ“ формъ политическихъ, если мы признали ихъ, на основаніи того же марксизма, стѣсняющими поступательный ходъ человѣчества, то почему святыни морали нельзя подвергнуть такой же критикѣ. Извѣстный политическій строй есть форма и средство господства однихъ классовъ общества надъ другими. Не то же ли самое и въ моралью, которая всегда существовала для угнетенныхъ и господствующими признавалась только какъ сдерживающее, понуждающее, карательное средство для черни. Сами же они, какъ извѣстно, держались другой морали: „послѣ насъ хоть потопъ“.

Развѣ жизнь за счетъ другого — не кража? Развѣ приобрѣтеніе безъ собственнаго труда жизненныхъ средствъ, созданныхъ другими, не кража? А что говорить эти крадущіе и ихъ мораль: „не укради!“

Развѣ не убійство — войны?

А что говорить убивающіе? „Не убій“.

Стыдно, больно становится, когда вдумаясь, отчего самъ мучился и другіе мучатся. Убивающіе и крадущіе не мучатся, они про себя посмѣиваются и горячо защищаютъ „устои“ общества. Они самыя ярые охранители благочестія, нравственности, церкви, святынь. Это и понятно: „народу нужно выдумать Бога“.

Но мы — то при чемъ здѣсь, мы, усумнившіеся въ надобности боговъ? Зачѣмъ мы, негодующіе противъ угнетенія и кражи, поддерживаемъ ложь насильниковъ?

Кто больше всего страдает и мучится отъ своего разлада съ этой моралью? Самые честные и искренніе.

Но мы вѣдь знаемъ, что эти „святѣныи“ — ложь, это тѣ деревяшки, которымъ молятся дикари, мы знаемъ, что это уже одна скорлупа, изъ которой давнымъ-давно вышло содержаніе и умерло. Нѣтъ семьи — человѣчества, есть классы, борющіеся, побѣждающіе и побѣждаемые. Нѣтъ единой правды, есть правда мужика и барина, есть правда побѣдителя и побѣжденнаго. Зачѣмъ же мы побѣжденные стараемся поступать такъ, какъ намъ настоячиво и горячо совѣтуютъ и приказываютъ побѣдители? Неужели они имѣютъ въ воду нашу пользу?

Почему же мы не поищемъ своей правды.

Вотъ у насъ есть наши инстинкты, наши чувства, есть у каждаго опытъ, способность сравнивать явленія, дѣлать выводы, попробуемъ найти такой способъ отношеній къ людямъ, чтобы онъ не доставлялъ намъ столько бесполезныхъ страданій, какъ прежній. Вѣдь мы мучимся очень часто только потому, что нарушили заповѣдь, что насъ могутъ назвать „безправственными“. Оставимъ совершенно въ сторонѣ эти заповѣди, какъ уже оставили многія другія. Насъ не беспокоитъ, что другіе насъ называютъ безбожниками за то, что мы не ходимъ въ церковь и не цѣлуемъ изображеній святыхъ. Насъ ихъ гнѣвъ только забавляетъ и вызываетъ грустное сожалѣніе о нихъ же. Мы поняли, что старый способъ отношенія къ вселенной, къ тѣмъ силамъ, что находятся въ ней, — негоденъ, ничего намъ не даетъ и только задерживаетъ насъ въ исканіи истины.

Отнесемъ же и къ морали такъ же. Ничего вѣчнаго, единого для всѣхъ, ничего божественнаго

въ ней нѣтъ. Вотъ мы члены угнетеннаго класса, ведущіе борьбу съ угнетателями, старающіеся умножить и укрѣпить свои силы, какъ мы должны относиться другъ къ другу и ко всѣмъ людямъ?

Должны ли мы быть добрыми, кроткими, милостивыми, смѣлыми? Или же злыми, строптивыми, жестокими, трусливыми?

Должны ли мы лгать, красть, обманывать, насильничать или же наоборотъ?

Но ставя такимъ образомъ вопросы, мы приходимъ къ старому.

Во первыхъ, мы ничего не должны. Повелѣніемъ, приказаніемъ, карой ничего хорошаго никогда не достигалось.

Во вторыхъ, ни добрыми, ни злыми, ни милостивыми ни жестокими нѣтъ надобности быть. Мы можемъ быть только такими, какими мы есть. Сегодня мы добры. завтра злы. Съ однимъ мы милостивы, съ другимъ жестоки. Самый добрый человѣкъ при извѣстныхъ условіяхъ можетъ дойти до свирѣпой жестокости. Счастливые — почти всегда добры, любовны, милостивы. Больные, несчастные — всегда злы, раздражительны, эгоистичны.

Намъ извѣстно лишь то, что у насъ есть инстинкты, заставляющіе насъ жить и поддерживать свой видъ, есть разившееся изъ нихъ чувство общественности, есть наконецъ опытъ и сознаніе того, что въ одиночку не проживешь, чѣмъ быть обезпеченнымъ нужно держаться своихъ; чѣмъ сильнѣе и счастливѣе будутъ свои, тѣмъ тебѣ самому будетъ лучше. Отсюда ясно что единственнымъ стремленіемъ въ отношеніяхъ можетъ быть благо своей группы, своего класса. И только это. Все, что вредитъ группѣ, не можетъ быть полезно и намъ.

„Хорошо, — могутъ замѣтить мнѣ. — Но какъ же знать, что вредно и что полезно? Если нѣтъ никакихъ нормъ, твердо опредѣляющихъ, что зло и что добро, то всякій будетъ дѣлать все, что ему прійдетъ въ голову? Одному покажется, что и для него и для группы будетъ хорошо, если его будутъ кормить, а онъ за это будетъ писать никому не нужныя статьи? Другой рѣшитъ, что предпринятая товарищами забастовка вредна для группы и не станетъ ихъ поддерживать? Да мало ли какихъ случаевъ не встрѣтится? Прежде — худо-ль, хорошо-ли, нормы опредѣляли это, а теперь и этого не будетъ“

Въ такихъ возраженіяхъ прежде всего мнѣ ясно видна запечатлѣвшаяся въ психикѣ современнаго человѣка эта принудительно-карательная мораль, — безъ принужденія, безъ направляющей руки, безъ сдерживающаго наказанія — человѣкъ становится звѣремъ, Затѣмъ проглядываетъ и этетъ исконный „божественный“ взглядъ на человѣка, какъ на „сосудъ скверны всякой и грѣховности“, — пока онъ помнитъ заповѣди, боится суда Божьяго или человѣческаго, онъ еще сдерживаетъ себя. Но дайте ему полную свободу и всѣ скверны его такъ и хлынутъ изъ него и затопятъ весь міръ и его самого. Въ этомъ же взглядѣ несомнѣнно виднѣются слѣды господствующихъ, которымъ выгодно пугать человѣка. Въ немъ видно присутствіе психики людей, которые привыкли къ праздности, бездѣлію и боятся, что и другихъ потянетъ къ этому.

Но только вырождающіеся могутъ бояться того, что всѣ люди получивъ свободу, захотятъ бездѣльничать. Не изъ принужденія морали, а въ силу свойствъ человѣческаго организма, всякій не больной, полный силъ человѣкъ хочетъ работать, хочетъ дѣйствія, траты накопленныхъ силъ. Я не

считаю человѣка „сосудомъ экверны“, я вѣрю, что въ какое угодно время человѣкъ способенъ жить безъ принужденія и насилія.

Конечно, полная свобода при современномъ социальномъ строѣ невозможна. Но избавиться отъ насилія моральнаго, отъ мукъ разлада съ этой моралью, приблизиться къ свободѣ — можно. И можно только полнымъ отстраненіемъ морали гоеподствующихъ. Не считается съ ней и не стараться быть честнымъ по отношенію къ ея велѣніямъ, — быть честнымъ только съ самимъ собой.

Этотъ терминъ вызвалъ много недоразумѣній. Люди, признающіе, что въ человѣкѣ безъ запоевъ, находится лишь одна „скверна“, тотчасъ же объяснили этотъ терминъ, какъ призывъ считаться только со своими „животными“ (читай — „мерзкими, вредными“) инстинктами. Несмотря на мои объясненія этого выраженія въ беллетристическихъ работахъ, они продолжаютъ толковать его такъ, какъ имъ хочется.

Послѣ всего сказаннаго мной выше, я надѣюсь, станетъ понятнымъ, почему я призывалъ не стараться быть честными съ другими, а только съ собой. Съ кѣмъ „съ другими?“ „Другой“ — это тотъ же „ближній“. Жандармъ, шпикъ, эксплуататоръ мнѣ — не ближній. Если въ этомъ „разъединеніи“ обвиняютъ меня марксисты-критики, то они правы, — да, полное разъединеніе и борьба.

Мои ближніе — это тѣ, среди которыхъ я выросъ, жилъ, интересы которыхъ родственны моимъ интересамъ. Съ этими мнѣ не нужно быть ни честнымъ, ни нечестнымъ. Если я буду поступать такъ, какъ скажутъ мои инстинкты, мои чувства, мое сознаніе, то мои ближніе въ общемъ согласятся со мной, потому что и бытіе наше согласное.

Но для этого необходимо, чтобы я былъ честенъ съ собой, т. е. чтобы я не лгалъ себѣ, не обманывалъ ни чувства, ни разума своего. Лгать можно жандарму, потому что за это говорить и чувство мое и разумъ, правдивостью съ нимъ погублю и себя и своихъ товарищей. Лгать можно даже товарищу, если ложью спасаешь его. Но если я лгу этому товарищу и спасаю себя, то я лгу не только ему, но и своему социальному чувству. Во мнѣ вѣдь не одна „скверна“ есть, наряду съ дурными вредными инстинктами и чувствами, есть и хорошія, полезныя. Кромѣ того во мнѣ есть сознание, разумъ. „Быть честнымъ съ собой“ не значить угождать „сквернѣ“, это значить согласовать, соединить въ одно цѣлое всѣ стороны человѣка. Этотъ разладъ товарищей и мой собственный происходилъ отъ того, что старая мораль разрывала насъ, требовала отъ насъ того, что отвергала разумъ и чувство. Она самый разумъ раскалывала на части, которыя грызли другъ друга. Мы лицебрили передъ самими собой, обманывая то чувство, то разумъ. Отъ этого, понятно, дѣйствія наши были нерѣшительны, неуверенны, слабы. Чтобы быть сильнымъ, необходимо на всякое жизненное сопротивление направлять всѣ свои силы, если же разумъ тянетъ въ одну сторону, гипнозъ морали въ другую, чувство въ третью, то дѣйствіе получится квоное и жалкое.

Я умышленно употребилъ „честность“, а не „гармонія“ съ собой. Этимъ я хочу одновременно сказать о разрывѣ съ моралью старой („нечестность съ другими“ какъ говорятъ критики) и о сознательномъ гармонизированьи своихъ чувствъ, опыта, мышления.

Когда я пришелъ къ этимъ выводамъ я рѣшилъ подѣлиться ими съ моими товарищами и читателями.

Для этого я взялъ воображаемаго человѣка, черты котораго встрѣчалъ въ отдѣльныхъ людяхъ, ввелъ его въ кругъ своихъ чувствъ и мыслей и заставилъ войти въ реальную практическую жизнь съ этими выводами. Я написалъ пьесу „Щаблі життя“, въ которой описалъ тѣ послѣдствія приложенія выводовъ къ окружающей жизни, которыя я самъ отчасти пережилъ и которыя необходимо логически вытекали изъ положенія вещей.

Когда эта пьеса вышла изъ печати, то ее встрѣтила такая буря отвращенія, гнѣва, негодованія, ужаса и злобы, что я невольно былъ ошеломленъ. Даже тѣ немногіе, которые сочувствовали идеямъ „Дизгармоніи“ и тѣ отвернулись отъ меня и запротестовали. Не было почти ни одного украинскаго органа, который бы меня не выругалъ, не было человѣка, который, встрѣтившись со мною, не вступилъ бы со мной въ споръ, повторяя почти слово въ слово возраженія сотни своихъ предшественниковъ.

Но сколько ни было крику, въ немъ не было ни одного голоса, который бы спокойно, вдумчиво отнесся къ моимъ словамъ. Одни считали, что я оригинальничаю и хочу выдумать еще что-то небывалое. Былъ какъ разъ въ то время періодъ половыхъ вопросовъ, давай дескать я напишу чтонибудь неслыханно-порнографическое — и вотъ придумалъ восхваленіе проституціи и организацію проституттокъ.

Другіе, признавая, что я порнографію не имѣлъ въ виду, думали, что я просто въ открытую предаюсь „разврату и влеченію своихъ звѣрскихъ инстинктовъ“.

Третіе находили, что я — анархистъ индивидуалистъ и болтаю въ дикомъ экстазѣ все, что мнѣ взбредетъ на умъ.

Нашелся лишь одинъ человѣкъ, это г. Омельченко, который сумѣлъ угадать, чего я хочу. Онъ почти ни въ чемъ не согласился со мной, но я былъ очень обрадованъ тѣмъ, что, по крайней мѣрѣ, онъ не кричалъ, не ругался, а отнесся съ видимымъ и разумнымъ вниманіемъ къ моимъ словамъ.

Когда я немного пришелъ въ себя послѣ шуму и гвалту, я рѣшилъ спокойно и добросовѣстно разобрать возраженія моихъ критиковъ. Я собралъ всѣ статьи, внимательно перечиталъ ихъ, вдумался въ каждое слово и, — говорю по совѣсти, — ни въ одной не нашелъ ничего, что походило бы на обсужденіе, разборъ затронутыхъ мной вопросовъ. Брался какойнибудь фактъ изъ пьесы, напримѣръ, убійство матери, рассказывался безъ всякихъ описаній, какъ, при какихъ обстоятельствахъ произошло оно и добавлялось: развѣ это не варварство, не звѣрство, не мѣщанство, не анархизмъ, не безуміе и т. д. и т. д.

„Честность съ собой“ — рѣшительно и категорически объяснялась, какъ признаніе только своего „я“ и то въ самыхъ дурныхъ его проявленіяхъ.

Я этого не могъ такъ оставить. Я рѣшилъ, что недостаточно ясно высказалъ свои мысли и меня просто не поняли.

Напишу еще одну вещь — подумалъ я — форма драматическая неудобна тѣмъ, что нужно въ дѣйствіи развивать свои мысли. Я возьму форму повѣсти, соберу всѣ возраженія и въ ней ствѣчу на нихъ примѣрами изъ жизни.

Эти примѣры были въ моемъ собственномъ опытѣ, которые я наблюдалъ непосредственно, другіе вычиталъ изъ книгъ и газетъ.

Я взялъ приблизительно типъ тѣхъ людей, которые мнѣ возражали (я зналъ ихъ лично, зналъ ихъ жизнь) и ввелъ къ нимъ того же Мирона, который былъ и въ „Щабляхъ життя“.

Написавъ большую часть этой повѣсти, я сообщилъ объ этомъ въ самый крупный нашъ журналъ, гдѣ я всегда печатался и запросилъ, можетъ ли быть помѣщена въ немъ моя работа. Но журналъ принужденъ былъ отказать мнѣ, такъ какъ читатели сотнями прекращали подписку на него изъ за моихъ „безнравственныхъ“ рассказовъ. Въ это же приблизительно время обо мнѣ читались рефераты и на нихъ шла усиленная агитація за бойкотъ моихъ книгъ.

Надѣяться при такихъ условіяхъ на помѣщеніе этой вещи в украинской прессѣ было невозможно.

Я рѣшилъ помѣстить ее въ русскихъ издательствахъ.

Это даже лучше, мнѣ казалось, съ той стороны, что среди русскихъ найдутся люди, которые отнесутся съ большимъ вниманіемъ къ поднимаемому мною вопросамъ. Украинская интеллигенція, думалъ я, еще несамостоятельна, идетъ всегда за русской, въ ней сравнительно мало людей съ выработаннымъ социалистическимъ міровоззрѣніемъ. Русская марксистская интеллигенція многочисленна, не можетъ быть, чтобы не нашлось среди нея людей, которые бы не думали о томъ же, что и я, чтобы такъ или иначе не разрѣшали этихъ вопросовъ. Если я въ чемъ ошибаюсь, они это мнѣ покажутъ, докажутъ, — во всякомъ случаѣ пустого, никого не убѣждающаго крика не будетъ, не бу-

детъ этой злобной брани, этого упорнаго нежеланія понять меня.

Я закончилъ по русски свою повѣсть, назвалъ ее „Честность съ собой“ — (чтобы этимъ сразу предупредить читателя, о чемъ буду говорить) и обратился къ марксистамъ (въ „Соврем. Мірѣ“) съ предложеніемъ напечатать ее. Но... марксисты отказали? „Почему? Не художественно?“ Нѣтъ, съ этой стороны ничего, а вотъ... тутъ у васъ такія вещи, съ которыми мы несогласны.

Моя вѣра въ русскихъ марксистовъ колебалась.

Вещь я все таки выпустилъ въ сборникахъ московскаго книгоиздательства „Земля“.

Я надѣялся, что читатели и критики, согласны они или не согласны, все таки захотятъ подумать надъ тѣмъ, что я говорю.

И что же? То же самое явленіе, что и среди украинцевъ. Брани, ругательствъ, насмѣшекъ сколько угодно и ни одного спокойнаго, мало-мальски разсудительнаго, хотя бы и не согласнаго голоса. Находились даже такіе „критики“, которые ругая героевъ моей повѣсти, не хотѣли сообщать ни названія ея, ни имени автора, ни того издательства, гдѣ она была напечатана, — чтобы не развращать читателя, кк сами объясняли. Въ этомъ наивномъ объясненіи, въ этой „критикѣ“ развѣ не видны слѣды этой охранительной, карательной морали? (Авторъ охранитель кажется г. Яблоновскій.)

Или вотъ, напримѣръ, письмо, присланное (къ сожалѣнію безъ подписи) въ редакцію „Земли“.

„Стыдъ и позоръ книгоиздательству, выпускающему такія произведенія какъ „Честность съ собой“ Винниченка. Такой порнографіи еще никто не писалъ, а г. Винниченко клеветаетъ на партію, выдумываетъ всякія мерзости да и возводитъ ихъ

еще въ культъ. Перлъ гнусности 162—180 ст. Никакіе Пуришкевичи и Иллиодоры не выдумаютъ большей мерзости на партію, чѣмъ русскіе беллетристы. Стыдъ и позоръ имъ! Желаемъ отъ души конфискаціи этого позорнаго сборника, а Винниченка съ проклятіемъ клеймимъ именемъ мерзавца!“

Видно, что писалъ это человѣкъ искренній, горячо преданный партіи, социалистъ, врагъ Пуришкевичей и Иллиодоровъ. И какая характерная черта принудительно карательной морали: конфисковать, запретить книгу, проклясть автора, заклеить его именемъ мерзавца.

И не то же ли пишетъ г. Львовъ.

„Давно уже въ русской литературѣ не было такого грубаго, циничнаго и демагогическаго произведенія. То, что писали вѣховцы о передовой интеллигенціи, то блѣднѣетъ передъ послѣдними словами г. Винниченка“. (Харьковск. Утро. Ст. „Герои тьмы“, по поводу повѣсти В. Винниченка „Честность съ собой“. „Земля“ сборникъ пятый)

Г. Львовъ навѣрно устыдился за г. Яблоновскаго и точно указалъ и имя автора и издательство. Но содержаніе его статьи мало чѣмъ отличается отъ статьи охранителя г. Яблоновскаго. То же возмущеніе, презрѣніе, злоба.

И такъ же, какъ въ письмѣ анонимаго автора видна неподдѣланая искренность и преданность „идеаламъ будущаго, интересамъ группы, единенію, братству“ (словъ г. Львова).

Но такъ же, какъ и раньше, по тону всѣхъ статей незамѣтно, чтобы авторы ихъ хоть на минуту задумались надъ тѣмъ, что я искренно, какъ и они, хочу помочь „живому дѣлу“.

Демагогичность пріемовъ автора — пишетъ напримѣръ, г. Львовъ — заключается въ томъ, что „санинство“ Мирона, этого новаго, мало привле-

кательнаго героя пола, онъ прикрываетъ травлей интеллигенціи и заигрываньемъ съ рабочими“ (Харьк. Утро).

„Онъ закрылъ глаза на все, что сдѣлала и дѣлаетъ передовая интеллигенція и сталъ обличать фарисеевъ и лицемеровъ, но въ свои обличенія внесъ много интеллигентскаго“ (Тамъ же).

„Протестъ противъ лицемерія свелся къ грубой травлѣ интеллигенціи. Проповѣдь новой морали свелась къ проповѣди... въ духѣ Распутина. Только Распутинъ дѣйствуетъ во имя души, а Миронъ во имя тѣла“.

Вотъ такими абзацами наполнена вся статья и еще передачей (часто совсѣмъ не вѣрной) содержания отдѣльныхъ эпизодовъ изъ повѣсти.

Самыя спокойныя — и будто по существу — возраженія, состоятъ приблизительно изъ такихъ:

„Конечно, интеллигенты, да и рабочіе страдаютъ отъ внутреннихъ противорѣчій, но эти противорѣчія, эта нецѣльность находятся въ связи съ социальными противорѣчіями, противъ которыхъ должна быть направлена борьба“.

Винниченко занялся вылавливаньемъ блохъ въ грязномъ овчинномъ тулупѣ, вмѣсто того, чтобы приняться за самую овчину и промыть ее“.

Какъ видно изъ всѣхъ статей, какія писались о моихъ работахъ, вниманіе авторовъ останавливалось только на томъ, что я „травлю интеллигенцію“ и „проповѣдую развратишко, прячась за спины рабочихъ“.

Почему я бралъ среду интеллигентскую, я объ этомъ уже говорилъ. Скажу еще разъ, что не для травли я писалъ о ней, не потому, что считалъ или считаю ее лицемерной, а какъ разъ наоборотъ, потому, что нахожу нашу революціонную, социалистическую интеллигенцію самой честной искрен-

нею частью всего російскаго общества (какъ среди украинцевъ, такъ и русскихъ, поляковъ и другихъ націй). Г. Львовъ говоритъ, что я въ повѣсти собралъ однихъ негодяевъ и подлецовъ. Почему они негодяи? Они — не святые, обыкновенные люди, они, какъ убѣдятся сами читатели, думаютъ точно такъ же, какъ г. Львовъ и всѣ критики, они искренно, не лицемерно такъ думаютъ. Они относятся къ Мironу съ тѣмъ же презрѣніемъ, негодованіемъ, что и авторъ анонимнаго письма. И такъ же обвиняютъ его въ травлѣ интеллигенціи. Повторяю, — лжи нѣтъ въ ихъ убѣжденіяхъ, но есть ложь по отношенію къ самимъ себѣ, есть мука отъ этого, есть исканія.

За что же, собственно, г. Львовъ называетъ ихъ „собраніемъ негодяевъ подлецовъ?“ (Подлецъ, — очевидно, человѣкъ, нарушающій нормы морали). Если они нарушили нормы моральныя той группы, о которой говоритъ г. Львовъ, то я хотѣлъ бы знать, какія же это нормы, гдѣ и когда онѣ установлены. Г. Львовъ говоритъ: „Возставая противъ морали господствующихъ, Мironъ совершенно забылъ о новой морали, угнетенныхъ. Для Смердяковыхъ „ничего нѣтъ“, для тѣхъ же, кто хочетъ сбросить цѣпи рабства, существуютъ идеалы будущаго, интересы группы, единеніе, братство все то, что вносить въ жизнь великій смѣлъ и дѣлаетъ каждый шагъ личности, связанной съ цѣлымъ — великимъ и значительнымъ“.

Я ни на минуту не сомнѣваюсь, что г. Львовъ писалъ это искренно и убѣжденно. Но не слишкомъ ли это отвлеченно, не похоже ли это на то, что говорилъ Грыцько, въ „Дізгармоніі“, что конкретная фигура рабочаго исчезаетъ и остается только абстрактное понятіе „рабочаго класса, массы и т. д.

Всѣ эти слова „единеніе, братство, правда, добро“ — не слишкомъ ли онѣ общи?

Вѣдь и Миронъ говорить о социализмѣ, о будущемъ человѣчества, а считаете же вы, что слова еще ничего не обозначаютъ.

Что такое мораль? „Это — говоритъ социалистъ А. Франсъ — взаимное согласіе сохранить то, что имѣемъ, — землю, дома; обстановку, женщинъ и нашу жизнь“. Мораль господствующихъ — ясна; „надо, чтобы угнетенные не отняли у насъ нашей земли, домовъ, обстановку, женщинъ и жизнь“. Для этого они установили для угнетенныхъ опредѣленные, конкретныя нормы, о которыхъ я уже достаточно говорилъ.

Какая же мораль у группы угнетенныхъ? „Интересы группы, единеніе, братство“ — это все хорошо, но конкретно, въ чемъ выражается эта мораль, какъ угнетеннымъ поступать въ такихъ или иныхъ случаяхъ?

Повидимому г. Львовъ — врагъ установленныхъ закаменѣлыхъ нормъ морали господствующихъ и признастъ, такъ же, какъ и я, единственно важнымъ въ морали угнетенныхъ — интересы, благо группы.

Но я смѣю думать, что г. Львовъ и, другіе искренно и честно думающіе такимъ же образомъ критики не честны съ собой, т. е. они эти мысли не довели до конца, до чувства, не сдѣлали тѣхъ, нелѣпныхъ и крайнихъ выводовъ“, о которыхъ говоритъ г. Арабажинъ. Отвергнувъ теоретически эти окаменѣлыя нормы, они, незамѣтно для себя, въ жизни признаютъ ихъ, считаются съ ними, и чувствуютъ этотъ разладъ — „конечно, интеллигенты да и рабочіе страдаютъ отъ внутреннихъ противорѣчій — говоритъ г. Львовъ — но эти противорѣчія, эта нецѣльность находятся въ

связи съ социальными противорѣчіями и противъ нихъ должна быть направлена борьба“.

Какъ правильно разсуждаетъ г. Львовъ и какъ онъ самъ не замѣчаетъ, что самъ же себѣ противорѣчитъ.

Въ чемъ видитъ г. Львовъ социальныя противорѣчія и въ чемъ, по его мнѣнію должно состоять борьба съ ними? И въ чемъ — еще разъ — мораль борющихся, угнетенныхъ?

Опредѣленно, конкретно г. Львовъ не объясняетъ. Какъ долженъ поступить угнетенный по мнѣнію г. Львова? Онъ долженъ бороться съ социальными противорѣчіями. Это понятно: борьба классовъ ведется организованно, чтобы больше принести пользы своей группѣ надо быть членомъ организованной ия части, т. е. состоять въ партіи, пропагандировать ея идеи, увеличивать ея силы.

Но идеи каждой социально-политической партіи касаются только экономическихъ и политическихъ отношеній. Мораль въ программу партій не входитъ. Какъ быть въ различныхъ случаяхъ жизни, не касающихся непосредственно партійной программы?

Очевидно, руководствоваться интересами группы, интересами своихъ, не считаясь съ моралью господствующихъ.

Я умышленно взялъ случаи изъ жизни, которые рѣзко подчеркиваютъ несостоятельность морали господствующихъ и умышленно взялъ революціонную интеллигенцію, какъ самую честную и сознательную часть общества, чтобы показать на жизненныхъ примѣрахъ этотъ гипнозъ стараго, этотъ разладъ современнаго человѣка съ самимъ собой.

Задавая такой цѣлью, я, можетъ быть слишкомъ рѣзко подчеркивалъ, отчего и получилось

жпечатлѣніе „травли интеллигенціи“. Я очень сожалѣю объ этомъ и тѣмъ болѣе, что это помѣшало спокойному и внимательному отношенію къ моимъ мыслямъ. Но съ другой стороны я принужденъ былъ это сдѣлать, такъ какъ меня не хотѣли понять. Мнѣ пришлось именно, „до назойливости“, какъ выразился г. Львовъ, повторять одно и то же, въ ущербъ художественной сторонѣ работы. Ни одного обвиненія или замѣчанія я не оставилъ безъ вниманія и на примѣрахъ изъ жизни старался объяснить свои выводы.

И, не смотря на „назойливость“, меня обвинили все таки въ томъ же, въ чемъ обвиняли прежде, т. е. томъ, чего я никогда не „проповѣдывалъ“.

И я вынужденъ, наконецъ, обратиться къ моимъ критикамъ съ просьбой доказать свои обвиненія. Я опять ихъ приведу, дамъ еще разъ свои объясненія и прошу мнѣ отвѣтить такъ же честно и точно, какъ стараюсь дѣлать это я.

Читателей же прошу быть судьями. Я не питаю надеждъ, что большинство станетъ на мою сторону, я лишь хочу, чтобы меня судили только за то, что я говорю, а не за вымышленныя и невѣрно-понятныя мои идеи.

III.

Итакъ въ чемъ же обвиняютъ меня критики и на чемъ основываютъ свои обвиненія?

Еще разъ извиняюсь за повторенія, но лучше быть „до назойливости“ точнымъ, чѣмъ небрежнымъ.

Г. Арабажинъ такъ пишетъ:

„Дизгармонія“ — поворотный пунктъ въ настроеніяхъ и убѣжденіяхъ Винниченка. Далѣе пойдетъ быстрый спускъ къ самому безнадежному и

безпорядочному анархизму, — къ проповѣди грубыхъ инстинктовъ“.

Въ пьесѣ „Великий Молохъ“ у Винниченка „темный инстинктъ взялъ верхъ у Зинька надъ тѣмъ прекраснымъ чувствомъ, о которомъ писалъ Винниченко когда-то въ разсказѣ „Нѣчто большее насъ“. (Этотъ разсказъ, г. Арабажынъ, написанъ гораздо позже „Великаго Молоха“, и даже „Щаблів життя“, какъ вы это объясните?)

„... въ „Щабляхъ життя“ („ступени жизненной лѣстницы“) передъ нами виступитъ въ законченномъ видѣ типъ анархиста-индивидуалиста „честнаго только съ собой“ и вѣрнаго только влеченіямъ своихъ инстинктовъ“.

„В. Винниченко вырвался изъ всякихъ социальныхъ и партійныхъ узъ и пришелъ къ полному маразму, — къ проповѣди звѣриныхъ инстинктовъ и праву экспроприаций“.

На какихъ же фактахъ основываетъ г. Арабажынъ свои обвиненія?

А вотъ на какихъ.

Какъ извѣстно выразителемъ моихъ идей является, и въ пьесѣ „Щаблі життя“ и въ повѣсти „Честность съ собой“ нѣкій Миронъ, выходяецъ изъ „народа“.

И вотъ этотъ Миронъ, — какъ разсказываетъ г. Арбажынъ, — „любитъ бархатъ женскаго тѣла“ (будто слова Мирона), охотно ходитъ къ проституткамъ, вполнѣ одобряетъ, когда и другіе ходятъ; предлагаетъ наплевать на мораль, требующую невозможнаго“.

„Проституція стала необходимостью, она полезный институтъ, въ которомъ не больше зла, чѣмъ въ институтъ собственности, ее нужно уважать и потому условіемъ дальнѣйшаго сожителства съ Аней Миронъ ставитъ чудовищное требованіе,

чтобы Аня хоть день прожила въ публичномъ домѣ, какъ проститутка!

„Для полноты характеристики честнаго съ собою Мирона добавимъ, что онъ ничто-же сумняшае отравилъ мать, такъ какъ она, по его мнѣнію, была безнадежно больна и жила въ страданіяхъ...

„Когда на партійномъ собраніи Мирону указываютъ, что его честность на дѣлѣ оказывается нечестностью по отношенію къ другимъ, Миронъ съ большимъ достоинствомъ отвѣчаетъ:

„— Я никогда не проповѣдывалъ правдивости и честности съ другими.

„При помощи такой честности Мирону открываются всѣ двери. Разумъ и чувство говорятъ Мирону, что семьѣ Тараса нужно дать пятьсотъ рублей и онъ, не колеблясь, устраиваетъ экспроприацію тысячи рублей у знакомаго товарища помѣщика.

„Молодая и интеллигентная женщина, Дара, увлеченная идеями Мирона, приходитъ къ заключенію, что, если покупаютъ женскую любовь, то можно безъ стѣсненія покупать и мужчинъ. И такъ какъ у нея мужъ больной, то она отправляется въ гостиницу и покупаетъ.....

„Для вящаго возвеличенія своихъ героев авторъ рѣзкими чертами рисуетъ партійныхъ людей. Они и дряблы, и ничтожны, и лживы, и не понимаютъ, что быть честными съ другими не обязательно. Только одинъ полуграмотный Тарасъ близокъ Мирону и автору. Разочаровавшись въ партійности, онъ начиняетъ бомбу, чтобы взорвать ею профессора со студентами, слушающими его лекціи въ университетской аудиторіи. Тарасъ объявляетъ *urbi et orbi*, что этимъ взрывомъ онъ хотѣлъ встряхнуть всѣхъ ужасомъ и убѣдить всѣхъ во лжи, по которой люди объявляютъ цѣлью жизни

торжество души, духовнаго, тогда какъ во всемъ царить тѣло, и нужно служить ему, не обманывая себя иллюзіями.....

„Такъ завершился у Винниченка путь исканія правды и свободы“.

Я выписалъ у г. Арабажина все, что относится къ обвинительной сторонѣ его статьи.

Всѣ остальные критики говорятъ то-же еамое, точно списывая другъ у друга. (Для курьеза совѣтую сравнить статью г. Измаилова въ „Моск Вѣдомостяхъ“ и г. Яблоновскаго въ „Кіевской Мысли“. Номеровъ газетъ не помню.)

Но прежде чѣмъ давать свои объясненія я хочу задать вопросъ моимъ критикамъ: почему они почти всѣ факты передали не точно, не вѣрно (каждый читатель можетъ въ этомъ убѣдиться, сравнивъ то, что говорится въ моихъ работахъ съ передачей критиковъ. Дальше я это покажу.)

Случайно ли такъ вышло, что всѣ они неточно передавали или нѣтъ? Умышленно дѣлали это или неумышленно? И, если умышленно, то зачѣмъ и почему?

Задавая эти вопросы, я вовсе не хочу дискредитировать ихъ слова. Меня интересуетъ здѣсь другое. Если это сдѣлано неумышленно, то почему у всѣхъ у нихъ такое странное направленіе ума, что вещи кажутся имъ въ изуродованномъ видѣ? И почему эта изуродованность видится ими всѣми въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ? Будто они по очереди смотрѣли сквозь одно и то же уродующее стекло?

Если не умышленно, то тѣмъ болѣе умѣстенъ этотъ вопросъ.

Въ первомъ случаѣ, мнѣ кажется, это могло произойти потому, что они беззавѣтно и безъ колебаній вѣрятъ въ господствующую мораль, точно

и абсолютно у танавливающую священныя нормы: „не укради, не убій, не лги“ и т. д.

Все, что заключаетъ въ себѣ нарушеніе этихъ нормъ, тотчасъ же безъ всякаго обсужденія почему, какъ, зачѣмъ произошло это нарушеніе, зачисляется ими въ категорію преступнаго“.

Во второмъ случаѣ. критики должны были обсуждать, почему и зачѣмъ происходило нарушеніе. Но будучи несогласны со мной, они умышленно исказили факты. Почему? Да очевидно потому, почему г. Яблоновскій умышленно скрылъ мѣсто изданія и имя автора вредной, по его мнѣнію, книги. Въ редакціи „Совр. Мира“ при отказѣ мнѣ заявили, что будутъ всѣми силами бороться со мной. Значитъ, я-врагъ. А съ врагомъ и нечестныя средства (ложь жандарму) можно употреблять.

И что же получается? Они искренно и горячо убѣждены въ томъ, что быть нечестнымъ съ другими нехорошо и невольна тутъ же совершаютъ эту нечестность. Но только почему? Потому, что они считаютъ меня врагомъ своей группы, потому что они горячо преданы ей. И чѣмъ искреннѣе и преданный группѣ критикъ, тѣмъ онъ съ большей горячностью и съ самымъ меньшимъ стѣсненіемъ борется этимъ средствомъ. Я лично не называю это ни „подлостью“, ни „негодяйствомъ“, какъ дѣлаютъ критики, но долженъ сказать, что это — наивное, не достигающее цѣли средство, вредящее только тому, кто употребляетъ его. И не только лицу, но и тому дѣлу, той группѣ, которую защищаютъ такъ неумѣло. Если авторы сознательно не вѣрно передавали факты, то неужели они могли думать, что читатели не увидятъ этой „неточности“. А если увидятъ и рѣшатъ, что критики не были честны съ ними, то какъ повѣрятъ „точности“ того, что говорятъ критики о „правдѣ и свободѣ“?

Я знаю, меня могутъ сейчасъ же уличить: „Ага, когда в а с ъ коснулось, то ложь — неумѣлое средство?“

Нѣтъ, — ложь и правда, кротость, насиліе, любовь и ненависть, все лишь средства къ достиженію извѣстной цѣли. Да, іезуитское „цѣль оправдываетъ средства“ должно быть еще разъ пересмотрѣно. Іезуиты ставили цѣлью власть и могущество своего ордена, э той цѣли они достигли въ полной мѣрѣ, до такой даже степени, что стали угрожать власти другой группы и эта оттого ее и уничтожила (а не изъ оскорбленной нравственности, какъ любятъ объяснять въ казенныхъ учебникахъ исторіи). Цѣль іезуитовъ была власть, богатство ордена и вытекающія отсюда праздность, развратъ, роскошь. Всѣ поступали, въ сущности, всегда такъ же, какъ и они, но поступали нерѣшительно и неувѣренно, искренно уважая заповѣди морали. Іезуиты же были цѣльнѣе, мораль они оставили тому, кто вѣрилъ въ нее, сами же имѣли всегда въ виду свою цѣль.

Точно то же, мы видимъ на каждомъ шагу въ окружающей жизни. Ставятъ цѣлью воспитаніе дѣтей и лгутъ имъ, обманываютъ, насилуютъ ихъ природу, говорятъ правду, берегутъ, даютъ полную свободу.

Революціонная организація ставитъ себѣ цѣлью расширеніе своего вліянія на массы и употребляетъ для этого всѣ средства, которыя ей кажутся достигающими цѣли.

И это, по моему, неизбѣжно, необходимо и ничего безнравственнаго въ этомъ нѣтъ. Зло лишь въ томъ, что одни изъ этихъ средствъ считаются „подлыми“, другія „благородными“.

Средства въ морали можно сравнить со средствами въ медицинѣ. Что если бы медики относи-

лись къ ядамъ такъ, какъ приверженцы абсолютной морали? „Самъ по себѣ“, ядъ привыкли думать, средство вредное, „подлое“, но при извѣстныхъ условіяхъ оно становится полезнымъ, „благороднымъ“.

Кто ставитъ себѣ цѣлью причинить вредъ кому нибудь, тотъ можетъ и самымъ „благороднымъ“ средствомъ — (правдой) сдѣлать это. Кто же ставитъ цѣлью благо и пользу другого, тотъ и ядомъ можетъ достигнуть ея.

Дѣло, значить, не въ томъ, какъ называются средства, а какъ, при какихъ условіяхъ, съ какой цѣлью они употребляются.

Почему я считаю умышленное искаженіе фактовъ неумѣлымъ средствомъ? (конечно, имѣя въ виду ту цѣль, какую ставили критики.) Да потому, что достаточно читателю желающему быть безпристрастнымъ, взять мою повѣсть и сравнить съ ихъ статьями, чтобы увидѣть „неточность“ критиковъ. При этихъ условіяхъ — ложь средство вредное, неумѣлое. Вотъ, если бы критики могли убить меня или сдѣлать такъ, чтобы я никогда не могъ объясниться, чтобы могли сжечь все, что я писалъ, уничтожить въ памяти читавшихъ мои книги, и послѣ всего этого солгать, тогда цѣль — борьба со мной и побѣда — была бы достигнута. Во всякомъ случаѣ такое наивное и смѣшное средство, какое употребилъ г. Яблоновскій, только во вредъ ему пошло: читатель заинтересовался той книгой, которую отъ него прячутъ, какъ отъ ребенка, и непременно прочиталъ. А Яблоновскій какъ разъ этого-то и не хотѣлъ для общаго блага.

И вотъ въ этомъ незначительномъ, казалось бы, примѣрѣ я вижу нечестность съ собою моихъ критиковъ. Во первыхъ, они сдѣлали не такъ, какъ искренно вѣруютъ. Признавая абсо-

лютную норму быть честнымъ, они нечестно поступили по отношенію ко мнѣ и читателямъ, обманывая ихъ. Во вторыхъ, они сами повредили тому, чему хотѣли помочь. (Я знаю многихъ читателей, несогласныхъ со мной, которымъ было досадно за моихъ критиковъ, на которыхъ статьи производили впечатлѣніе „легкомыслія“, какъ выразился одинъ мой искренно уважаемый мной „врагъ“).

Я же объясняю это не легкомысліемъ, а той же „нечестностью съ собой“. Критики, принявъ меня за врага, почувствовавъ ко мнѣ тѣмъ большую вражду, что я „когда-то“ былъ съ ними, принадлежа сами къ той интеллигенціи, которую я сталъ „травить“, — руководились однимъ чувствомъ. Они отдались ему и подчинили ему разумъ. Разумъ ихъ видѣлъ и отмѣчалъ все то, что я говорилъ, (упоминаютъ же они и о „разладѣ съ собой“ и о „внутреннемъ противорѣчii“ говорятъ даже, что я отчасти правъ) но чувство вражды все „хорошее“ объясняетъ моимъ „прикрываньемъ, демагогіей, красными словами“ и т. д. Они просто не вѣрятъ, чтобы я могъ желать чего нибудь хорошаго, если я „травлю“ интеллигенцію, „Просто пинизмъ и демагогія“ — говорятъ нѣкоторые*).

Но если бы критики были честы съ собой, то — есть, не отдавались цѣликомъ чувству, а

*) А у г. Львова это недовѣріе доходитъ просто до смѣшного: онъ до того сомнѣвается въ чемъ нибудь хорошемъ у „этого негодяя“ Мирона, что не вѣритъ даже тому, что Миронъ пишетъ картину. И въ „Харьк. Утрѣ“ и въ „Совр. Мірѣ“ онъ все повторяетъ, что читатель такъ и не увидѣлъ этой картины. Да зачѣмъ она вамъ, г. Львовъ? Ну, я написалъ бы что эта картина изображала то-то и то-то. Развѣ вы не сумѣли бы и это высмѣять? Извѣстно вѣдь, что, если чувствуешь къ кому нибудь вражду и отвращеніе, то даже манера ѣсть этого человѣка возбуждаетъ негодованіе.

прислушались къ тому, что слышали разумъ, они бы не смогли повредить тому, что сами считают хорошимъ.

Но что же они считают хорошимъ и что дурнымъ. „Идеаль будущаго, единеніе, братство“.

Но въ обыденной, повседневно жизни какіе поступки и отношенія дурны или хороши?

Объ этомъ критики положительно не говорятъ, но изъ того, какъ они относятся къ дурнымъ, по ихъ мнѣнію, отношеніямъ, мы сможемъ судить о томъ, что они считают хорошимъ.

Яснѣе всего это видно будетъ изъ предъявленныхъ мнѣ и Мирону обвиненій.

Прежде всего о „травлѣ интеллигенціи“. Какъ я уже говорилъ цѣлью моихъ работъ я не ставилъ себѣ травить кого бы то ни было. Я лишь хотѣлъ описать явленіе замѣченное мной. Это явленіе виднѣе всего въ интеллигентской средѣ, по этому я взялъ ее.

Г. Львовъ пишетъ: „Почему г. Винниченко борьбу сознанія и чувства хочетъ видѣть только у помѣщичьихъ дѣтей? Противорѣчія социальныя воздѣйствуютъ на всѣ классы, и трудно найти человѣка, на психикѣ котораго не отразились социальныя противорѣчія современнаго буржуазнаго строя“.

„Трудно найти человѣка“ и т. д. Я ловлю г. Львова на этомъ словѣ. А пока отмѣчу „неточность“ въ его обвиненіи. У меня всѣ лица въ повѣсти страдаютъ этимъ разладомъ. Не только „помѣщичьи дѣти“, а и чулочница Оля, и братъ ея Тарасъ, и проститутка, сестра Мирона и самъ Миронъ. Миронъ никогда не говоритъ, что онъ — честенъ съ собой. Онъ говоритъ: „Я хочу быть такимъ, но это трудно. (97 стр. „Честность съ собой. „Намъ такъ долго вбивали всякія понятія

(старой морали) что отъ обѣда до вечера нельзя отъ нихъ избавиться. Большимъ страданіемъ, упорной мыслью они выжигаются“. (Тамъ же 65—64).

И если бы критики внимательнѣе и спокойнѣе отнеслись къ Мирону, они бы замѣтили и въ немъ разладъ.

Единственная разница между помѣщичьими дѣтьми и дѣтьми угнетенныхъ та, что первымъ труднѣе избавиться отъ морали господствующихъ, а вторымъ легче. И не потому, что первые мерзавцы и негодные, а вторые хорошие, нѣтъ, а по той причинѣ, что бытіе угнетенныхъ скорѣе и естественнѣе можетъ выработать сознаніе (политику, религію, искусство и, значитъ, мораль) отличное отъ сознанія господствующихъ. Помѣщичьи же дѣти по прежнему образу жизни, по усвоеннымъ привычкамъ, по невольнымъ психическимъ навыкамъ, наконецъ, по закону наследственности, — по всему своему бытію болѣе привязаны къ морали тѣхъ, отъ кого они ушли. Были и есть помѣщичьи дѣти, которые совершенно уходили отъ своего и отцовъ своихъ прошлаго, которые измѣняли свое бытіе. Народники, опрошавшіеся, не будучи марксистами, понимали все таки, что для полнаго измѣненія сознанія, необходимо полное же измѣненіе бытія. Но все таки имъ труднѣе это сдѣлать, чѣмъ Мирону, у котораго мать — мелкая торговка, братъ — типографскій рабочій, сестра — работница, потомъ проститутка. Вотъ почему, г. Львовъ, Миронъ и „заигрываетъ“ съ рабочими, вотъ „почему мнѣ захотѣлось привлечь къ этой новой морали рабочихъ“. Слова того же г. Львова, Совр. Міръ)

Но въ чемъ, собственно, выразилась моя „травля“ интеллигенціи?

Интеллигенты, дескать, въ моемъ описаніи „собраніе негодяевъ“, какъ выразился тотъ же г. Львовъ. „Интеллигенты много говорятъ о морали, судятъ Мирона за его проповѣдь, а сами потихоньку ходятъ въ тѣ же учрежденія“.

И опять „неточность“. Если бы г. Львовъ сказалъ: „много и искренно говорятъ о морали“ (какъ это есть у меня), обвиненіе было бы правильнымъ. И только на такое обвиненіе я готовъ отвѣчать.

Теперь, — почему описанные мною интеллигенты „негодяи и нерзавцы“?

„То, что дѣлаютъ „интеллигенты“ г. Винниченка, не поддается описанію. Вѣдь они, конечно, мѣщане съ ногъ до головы, всѣ они живутъ чужимъ трудомъ, на деньги, доставляемые мужиками, какъ, напримѣръ, партійное семейство Кисельскихъ; всѣ они безхарактерны и души у нихъ кисельныя“.

Снова „неточность“. Не всѣ, а нѣкоторые е живутъ чужимъ трудомъ. Китъ, Іона, Наталія Петръ живутъ собственнымъ трудомъ, какъ и Миронъ, и Дара.

Не всѣ безхарактерны, а нѣкоторые. Не всѣ члены держатъ пари въ трактирѣ. а нѣкоторые. И т. д.

Но „героевъ“, „свѣтлыхъ личностей“ — какъ говорили прежде, у меня, дѣйствительно, нѣтъ. Обыкновенные люди съ присущими всѣмъ людямъ качествами, организованными въ каждомъ лишь въ различныхъ комбинаціяхъ. „Трудно найти чело-вѣка, — говоритъ самъ г. Львовъ — на психикѣ котораго не отразились бы противорѣчія современнаго соц. строя“. Такими я и описывалъ ихъ.

Меня могутъ опять упрекнуть, зачѣмъ я выношу соръ изъ избы. Если такъ ставить вопросъ, то я отвѣчу, что зачѣмъ же его держать въ избѣ.

Скрываніе своихъ недостатковъ, упорное утвержденіе, что „все благополучно“, никого убѣдить не можетъ. Эти ужасныя распри бод шевиковъ и меньшевиковъ, эти всегдашніе (даже и теперь) упреки въ демагогіи, генеральствѣ извѣстныхъ партійныхъ лицъ, развѣ это не вынесеніе сора изъ избы? Развѣ это можно скрыть?

Если мои критики хотятъ „поднять настроеніе“, ободрить побѣжденныхъ, вселить надежды въ нихъ, то, мнѣ кажется, это нельзя уже дѣлать такими средствами, какъ воскицать „единеніе и братство“, „правда и свобода“, „да здравствуютъ герои“. Надо опредѣленнѣе, конкретнѣе сказать людямъ (и не героямъ, а простымъ людямъ), то, что удалось вывести изъ фактовъ жизни. Не скрывать этихъ выводовъ, а обсудить ихъ. Если нѣкоторые изъ нихъ совпадаютъ съ тѣми ныводами, что сдѣлали враги, это еще не значитъ, что мы и реагировать на нихъ будемъ такъ же. Если я нашелъ вмѣстѣ съ вѣхистами, что героевъ нѣтъ, то это еще не значитъ, что я призываю, какъ они къ туманности религіи, къ отреченію отъ своихъ идеаловъ, къ жизни „мудраго мѣщанина Европы“.

Призывъ вѣхистовъ вытекаетъ изъ ихъ бытія, нашъ призывъ изъ нашего. И они и мы будемъ правы, но мы будемъ бороться. Чье бытіе жизнеспособнѣе, того и побѣда будетъ. Въ этомъ и заключаются социальныя противорѣчія и классовая борьба. И я скажу еще: чѣмъ честнѣе съ самими собою будутъ наши враги, т. е. чѣмъ опредѣленнѣе и яснѣе они согласятъ свое бытіе съ сознаниемъ, тѣмъ развитіе этихъ классовыхъ противорѣчій пойдетъ быстрѣе и плодотворнѣе для насъ.

И такъ, съ моей точки зрѣнія лица въ моей повѣсти — люди обыкновенные, страдающіе вну-

треннимъ разладомъ, тотъ въ одномъ отношеніи, другой въ другомъ, сообразно бытію каждаго.

Съ точки зрѣнія критиковъ они — негодяи. Я уже приводилъ ихъ соображенія. Исправивъ „не-точности“, и внимательно приглядѣвшись къ этимъ соображеніямъ, можно замѣтить, что большая часть ихъ лежитъ въ области пола. Миронъ же этотъ „герой пола“ такъ и обвиняется въ „развратишкѣ“ и проповѣди половыхъ наслажденій.

И такое вниманіе къ половымъ преступленіямъ характерно для морали господствующихъ. Въ повседневной жизни, у, такъ называемыхъ порядочныхъ людей „безнравственнымъ“ называется чловѣкъ, нарушающій норму половой морали. Въ особенности, если рѣчь идетъ о женщинѣ-нарушительницѣ, то ее иначе и не именуютъ, какъ „безнравственной, падшей, потерянной“.

Мои критики все время называютъ Мирона мѣщаниномъ. Я не знаю, простое-ли это ругательство, вродѣ того, какъ у многихъ существуетъ привычка выражать свое недовольство восклицаніемъ „эхъ, сволочь!“ — или же это серьезное обвиненіе, на которое надо отвѣтить. Я склоненъ думать, что у однихъ это ругательство, чисто рефлексивнее, употребляющееся чуть не на каждой страницѣ партійныхъ органовъ, — другіе же ставятъ это обвиненіемъ Мирону.

Я отвѣчаю лишь на второе. Но прежде чѣмъ отвѣчать, я хочу хоть немного привести въ ясность этотъ заѣзженный терминъ.

Мѣщанство — это, по моему мнѣнію, любовь къ привычному, старому, освященному вѣками. Это — боязнь всего новаго, неизвѣстнаго, хотя бы, по мнѣнію мѣщанина, какъ будто и не вреднаго. Мѣщанинъ искренно и рабски уважаетъ всякую силу, хлещущую даже его самого. Мѣща-

нинъ любить праздность, матеріальную обеспеченность (на чужой, конечно, по возможности счетъ). Мѣщанинъ ярый врагъ всякихъ духовныхъ запросовъ и вѣрный поклонникъ всего, что касается самыхъ примитивныхъ, физическихъ наслажденій. Наконецъ, изъ всего этого ясно, что онъ самый надежный и непоколебимый защитникъ морали, т. е. тѣхъ условій, при корыхъ онъ можетъ „сохранить свою землю, обстановку, женщинъ и собственную жизнь“.

Если читатели съ этимъ опредѣленіемъ согласны, то пусть прилагаютъ его ко всему, въ чемъ обвиняютъ критики Мирона и къ тому, что они защищаютъ.

Итакъ, прежде всего, обвиняютъ они въ нарушеніи половой нормы. При чемъ обвиняютъ меня въ томъ, что я всѣхъ лицъ въ повѣсти сдѣлалъ нарушителями. Это — невѣрно. Но всѣ они, дѣйствительно горячо и искренно вѣрятъ въ установленныя нормы, (хотя нѣкоторые и принуждены нарушать ихъ). Выражаютъ же они свои убѣжденія на судѣ, устроенномъ ими надъ Мирономъ. Обвиненія ихъ ни въ искренности, ни въ формулировкѣ, ни въ чемъ не разнятся съ обвиненіями критиковъ. Читая, напримѣръ, статью г. Арабажина, такъ и кажется, что онъ все переписалъ изъ моей повѣсти.

Чтобы не быть голословнымъ, я приведу эти мѣста изъ „Честности съ собой“.

„Иона опять заглянулъ въ бумажку.

— „Первая свобода — свобода хожденія въ публичные дома. По „ученію“ товарища Мирона ходить въ публичные дома отнюдѣ не позорно, а, наоборотъ, похвально и достойно подражанія...

„Вторая свобода — свобода „труда“ проститутокъ. Сей трудъ не только не унизителенъ, не вреденъ, не только не заслуживаетъ порицанія, но

наоборотъ, благодѣтеленъ для общества, равенъ труду поэта, философа и заслуживаетъ поощренія. Въ виду этого, товарищъ Миронъ рекомендуетъ рабочимъ всѣми мѣрами поддерживать проституцію. Одной изъ такихъ мѣръ онъ считаетъ организацію профессиональныхъ союзовъ „трудящихся“ проститутокъ. Пусть собраніе замѣтитъ — не борьбу, а поддержку и развитіе этого благодѣтельного института...

— „Третья свобода — свободная любовь. Подъ названіемъ „свободная любовь“ у т. Мирона, собственно, подразумѣвается свобода половыхъ чисто физическихъ сношеній. По „ученію“ т. Мирона эта свобода есть новая форма семьи, ибо старая семья отжила свой вѣкъ...

Четвертая — свобода отъ контроля общества въ дѣлахъ любви, т. е. отрицаніе даже гражданскаго брака. Собственно, разновидность „пробнаго брака“.

— „Затѣмъ, — еще одна: свобода отъ интеллигенціи. Товарищъ Миронъ думаетъ, что интеллигенція не должна играть никакой роли въ рабочемъ движеніи“.

Критики знаютъ, что Миронъ на всѣ эти обвиненія отвѣчалъ: „неправда, я ничего изъ этого не проповѣдывалъ“. Критики видѣли, что вся повѣсть написана съ цѣлью показать поступками и словами Мирона, что онъ совсѣмъ не это „проповѣдывалъ“. Этотъ судъ съ точно обозначенными пунктами обвиненій сознательно же устроенъ мной, все, кажется, должно говорить за то, что хоть этихъ обвиненій не смогутъ повторить, — и вотъ чуть не слово въ слово то же самое!

Но будемъ продолжать.

Чѣмъ же объясняется такое усиленное вниманіе господствующей морали къ половымъ нормамъ? И не только теперь, но и всегда?

Нарушающій половыя нормы, установленныя людьми съ цѣлью удовлетворить инстинктъ продолженія вида, наносить вредъ этому продолженію. Это, конечно, вѣрно.

Форма, въ которую вылился этотъ инстинктъ-семья. Современная форма семьи очень мало походитъ на тѣ формы, которыя были раньше. Мы знаемъ, что нѣкогда законной формой семьи считалось многомужество и многоженство. Это было нормально и священно, такъ какъ вполне соответствовало хозяйственнымъ отношеніямъ того времени. Но измѣнились эти отношенія и нашлись революціонеры-преступники, которые покусились на эту форму семьи и, въ концѣ концовъ, уничтожили ее, замѣнивъ новой, болѣе подходившей къ измѣнившемуся бытію. Ставъ господами положенія, преступники объявили „безнравственную“ форму семьи священной и тутъ же поставили возлѣ нея охрану — боговъ, законъ, мораль.

Но экономическое состояніе опять переросло надстройку и семья снова должна была приспособиться къ новымъ матеріальнымъ отношеніямъ людей.

Мало того, она не только приспособилась, но стала однимъ изъ средствъ охраненія господства. Семья къ своей естественной цѣли — продолженію вида, — присовокупила цѣль экономическую. Люди стали соединяться въ семьи не для того только, что бы родить дѣтей и готовить ихъ къ жизни, но чтобы укрѣпить, усилить свои матеріальныя средства. Буржуазная семья уже ничего другого и не ставитъ цѣлью семьи, какъ „устроить партію“, т. е. устроить свое личное матеріальное благополучіе. Дѣти являются уже второстепеннымъ явленіемъ, необходимостью, иногда скучной и тяжелой.

Понятно, что такое уклонение семьи отъ естественнаго и единственнаго своего назначенія оставляло у многихъ людей неудовлетвореннымъ ихъ инстинктъ продолженія вида. Многие совсѣмъ не имѣли семьи. Появилась проституція, какъ дополненіе. Чѣмъ болѣе уклонялась семья, тѣмъ шире разрасталась проституція.

И проститутки и люди пользовавшіеся ихъ услугами, конечно, нарушали ту норму половыхъ отношеній, какая была установлена закономъ. Это разрушало семью, какъ продолжательницу вида, но вмѣстѣ съ тѣмъ вредило ей, какъ и средству экономическаго господства однихъ надъ другими.

И такимъ образомъ преступленіе противъ половой нормы стало какъ бы двойнымъ.

И вотъ почему проститутка пользуется такимъ сугубо-отрицательнымъ вниманіемъ со стороны общества. Вотъ почему появленіе романа „Санинъ“ произвело на русское общество такое значительное впечатлѣніе. Авторъ этого романа, возставъ противъ привычной, установленной половой нормы, совершилъ, самъ того не замѣтивъ, можетъ быть, двойное преступленіе (Изъ моего отношенія къ половой морали читатель увидитъ, что я въ очень немногѣмъ согласенъ съ Санинымъ).

Конечно, очень большую роль играетъ при этомъ та интимность, которой сопровождается у людей этотъ великій актъ ихъ жизни, — зарожденіе новаго человѣка. Но эта же интимность не мало способствовала тому, что половыя отношенія получили характеръ таинственности и святости. Многовѣковый гипнозъ господствующей морали до того обезобразилъ пониманіе человѣкомъ самого себя, что онъ шагъ ступить не можетъ, чтобы не найти въ себѣ „грѣха“. Особенно же это относится

къ половымъ переживаніямъ. Здѣсь грѣхъ коварнѣе и навязчивѣй всего. Отъ него бѣжали въ пустыни, уродовали себя, проповѣдывали ученія уничтоженія человѣчества, лишь бы быть „чистымъ“.

Мои критики не лишены этой слѣпой паники передъ „грѣхомъ“ пола. Какъ пустынники, убѣжавшіе отъ него въ пустыни и все таки только то и дѣлавшіе, что видѣвшіе даже въ формахъ облаковъ этотъ грѣхъ, такъ и современные пустынники увидѣли у меня грѣхъ въ облакахъ. Напримѣръ: есть у меня розсказъ „Моментъ“. Въ немъ говорится о томъ, какъ мужчина и женщина тайно переходили границу. Переходъ былъ опасный и по этому все существо ихъ было въ необыкновенномъ возбужденіи. Человѣкъ смотрѣлъ въ глаза инстинкту смерти. И всѣ другія живыя силы его пришли въ движеніе. Это было „одно громадное бѣненіе пульса протеста, борьбы всего существа съ роковымъ, неизбѣжнымъ“ (Моментъ).

Когда борьба ихъ окончилась побѣдой жизни надъ смертью, когда они очутились далеко отъ пограничной линіи, они въ экстазѣ этой побѣды горячо обнялись. Раньше онъ не смѣлъ даже поцѣловать ее, хотя имъ обоимъ этого хотѣлось, раньше было „нельзя“, „не морально“.

Но теперь „это было торжество двухъ большихъ козявокъ это былъ вихрь жизни, который сметаешь весь соръ „нельзя“, неморально“, это было счастье крови, мозга, нервовъ, костей, это было самое высшее счастье возрожденія“...

Послѣ этого объятія они сѣли.

— „Сядемъ... — безсильно опустилась она на землю“.

Посидѣли и разошлась; разошлись для того, чтобы не разрушать этого счастья будничными переживаньями.

Изъ разсказа никоимъ образомъ нельзя увидѣть акта совокупленія. Но мои критики умудрились найти его и обвинить меня въ проповѣди „любви козявокъ, мотыльковъ“.

Правда, могутъ сказать, что я неявно высказался. Но неужели я долженъ относительно всякаго движенія моихъ героевъ предупреждать критиковъ, что въ немъ нѣтъ полового акта? Подвижники въ пустыняхъ видѣли его даже въ буквахъ своихъ священныхъ книгъ, — съ этимъ ничего не подѣлаешь.

Много виноваты въ этомъ и напугавшіе всѣхъ Санины, „здоровыя кобылы“ и прочіе типы русской литературы послѣдняго времени, ставившіе себя цѣлью всей жизни половую сторону ея.

Но гораздо больше виновато раздѣленіе человѣка на „добродѣтельнаго“ и „грѣховнаго“. Этотъ дуализмъ, конечно, ведетъ свое начало отъ Бога и Дьявола, этой основы всей старой морали и философіи. Этимъ дуализмомъ настолько прониклись люди, что, если они встрѣчаютъ человѣка, отвергающаго „добродѣтель“, то, по ихъ мнѣнію это значитъ, что, онъ признаетъ только „грѣхъ“. И никакъ не могутъ понять того, что можно отвергать и добродѣтель и грѣхъ и все раздѣленія, которыми разрѣзали единое существо человѣка.

Отъ этого, мнѣ кажется, и такое отношеніе къ Мирону и ко мнѣ. За это меня, напримѣръ, одинъ критикъ, М. Ольминскій въ марксистскомъ журналѣ „Звѣзда“ назвалъ отступникомъ, репрезентантомъ реакціи, сравнилъ съ Катковымъ, Ясинскимъ и пр. Все это онъ сдѣлалъ на основаніи моего разсказа „Купля“, переводъ котораго печатался въ другомъ марксистскомъ журналѣ „Совр. Міръ“.

Въ этомъ разсказѣ я хотѣлъ въ образахъ сказать то, что говорилъ здѣсь выше. То есть: чело-

вѣкъ — это комплексъ живыхъ цѣнностей, которыми онъ обмѣнивается съ другими людьми и съ самой природой. Мы любимъ солнце за то, что оно даетъ намъ тепло, свѣтъ. Если это тепло или свѣтъ мѣшаютъ намъ, мы отъ нихъ прячемся. Если я уменъ, красивъ, глупъ, безобразенъ, общителенъ, замкнутъ, меня такъ и цѣнять, сообразно той комбинаціи цѣнностей, какую я изъ себя представляю. „Человѣкъ — это звучитъ гордо. Человѣка любить и уважать надо“. Нѣтъ, не всякаго и не всегда. Порой одинъ и тотъ же человѣкъ вызываетъ во мнѣ гнѣвъ и презрѣніе, въ другое время онъ же умиляетъ меня. Чтобы тебя цѣнили и уважали, надо имѣть цѣнности. Чѣмъ больше у тебя цѣнностей, чѣмъ болѣе тебя цѣнятъ, тѣмъ на большее количество цѣнностей ты можешь обмѣнить ихъ.

Но тутъ опять выступаетъ это дѣленіе общества на группы, классы. Въ одной группѣ мои цѣнности не играютъ никакой роли и меня тамъ не цѣнятъ, не уважаютъ, презираютъ. Въ другой же группѣ эти же цѣнности вызываютъ уваженіе и признаніе. Есть цѣнности, которыя могутъ быть признанѣ вездѣ, но не во всякое время. Однимъ словомъ, нѣтъ ничего единого, вѣчнаго, святого, абсолютнаго, все подчинену закону движенія, обмѣна, претворенія, роста и упадка.

Въ разсказѣ „Купля“ революціонеръ „геройскимъ“ подвигомъ, т. е. предпочтеніемъ и интересовъ семьи интересамъ группы вызываетъ восхищеніе и признаніе у революціонерки. Его цѣнности — сила, мужество, социальное чувство-оцѣнены ею, т. е. она даетъ ему въ обмѣнъ то, что ему больше всего хотѣлось имѣть отъ нея — ея любовь.

Тутъ же нищій-воръ добивается этого самого у нищенки другой комбинаціей цѣнностей: отсут-

ствіемъ развитого соціального чувства, дерзостью, сметливостью, — кражей въ сѣть денегъ и сала.

Для нищенки цѣнности революціонера величины отрицальныя и наоборотъ — цѣнности вора для революціонерки не заслужать уваженія; но и революціонеръ и воръ оба находятъ признаніе и положительную оцѣнку.

Отсюда М. Ольминскій выводитъ :

„Воръ и революціонеръ — величины тождественныя“.

Ну, а за это вполнѣ логично и естественно назвать меня отступникомъ и реакціонеромъ.

И вотъ подобное же отношеніе было и у членовъ организаціи, судившей Мирона, и у критиковъ осудившихъ меня. Если нѣтъ „добродѣтели“, значить, „грѣхъ“, „проповѣдь животныхъ инстинктовъ“, разврата, санинство и т. п.; все, что говорить Миронъ противъ „грѣха“ — считается притворствомъ, демагогіей, желаніемъ подъ прикрытіемъ „добродѣтели“ достигнуть большаго успѣха въ своей проповѣди.

Но если бѣ критики не были такъ загипнотизированы этимъ раздѣленіемъ человѣка на двѣ половины, они бы отнесли иначе къ тому, что Миронъ говоритъ, напр., Тарасу (съ которымъ онъ не согласенъ и которому не сочувствуетъ).

„Какое вамъ дѣло, душа-ли чувствуетъ страданіе или тѣло? Вы — страдаете, это — важно, а все остальное только названія болѣе или менѣ удачныя...“

„— Какъ названія?“

„— Ну, такъ. Люди для удобства раздѣлили въ сущности нераздѣлимое да и забыли объ этомъ. И дерутся за то, что лучше — духовное или тѣлесное. Все хорошо, что даетъ радость, и все дурно, что страданіе. Душа в тѣлѣ, тѣло в душѣ. Когда,

животъ болитъ, это такъ же непріятно душѣ, какъ и скорбь о кончинѣ міра“.

И вотъ изъ этого пониманія „добродѣтели“ и „грѣха“ выходитъ Миронъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ природѣ, людямъ и самому себѣ.

Какъ ему относится къ семьѣ?

Мораль господствующихъ, Богъ-Дьяволъ, святыня-грѣхъ — это лишь названія, съ которыми нѣтъ надобности считаться.

Есть животный инстинктъ продолженія вида. Есть сознаніе, которое ясно указываетъ, въ какія уродующія формы втиснули его люди съ ихними вѣчными заповѣдями. Что такое современная семья? Это все, что угодно, но не то, чѣмъ она должна быть. Это, во первыхъ, коммерческая сдѣлка. Развѣ о дѣтяхъ думаютъ, заключая контракты и договоры? Нѣтъ, даже самые передовые люди, даже революціонеры и тѣ вступаютъ въ эти сдѣлки по привычному шаблону, который называется законнымъ бракомъ. Для законнаго брака считается достаточнымъ сходить къ священнику или къ мѣру и заключить сдѣлку. Есть-ли любовь, нѣтъ ли ея — это второстепенная вещь. Слѣдующая ступень: необходима любовь, но необходимъ и договоръ. Еще выше? нужна токъко любовь, влеченіе супруговъ другъ къ другу.

Но на всѣхъ ступеняхъ цѣлью соединенія рѣдко бываютъ дѣти, эта единственная цѣль семьи.

Миронъ говоритъ чулочницѣ Ольѣ:

„Ну, значить вы объ этомъ не думали. Да и о чемъ думать, — лишь бы женились, а дѣти сами родятся. Но вѣдь дѣти — не куклы, которыми пріято позабавиться. Понимаете? Это-люди, это то человѣчество, которое социализмъ добывать будетъ. Дѣтей только тогда родить можно, когда, во первыхъ, обѣ стороны неудержимо тянутся другъ къ

другу, когда чувствуютъ, что вотъ отъ кого они хотѣли бы имѣть дѣтей, когда чувствуютъ, что навѣкъ сплелись. Вѣдь это, Олечка, глубочайшій актъ, самый важный, — не чулокъ, а новый человекъ получается. А вѣдь и для чулка нужно умѣнье, подготовка. Женясь, я думаю о томъ, что зачинаю новую жизнь? Я проверилъ себя? Я могу съ чистой совѣстью сказать, что сдѣлалъ все, что могъ, чтобы мое дитя было здорово и сильно? Дѣйствительно-ли я хочу съ этой женщиной имѣть дѣтей? Подошелъ-ли я къ этому акту съ любовью и сознаниемъ? Говорятъ наши моралисты о “животныхъ”, а сами, дѣйствительно, какъ животныя дѣтей рождать“.

А что отвѣчаетъ Миронъ на предъявленные ему судомъ обвинения:

„— Объясненія мои будутъ въ томъ же духѣ. Ни о бракѣ, ни о любви, ни объ интеллигентахъ я своихъ взглядовъ не навязываю. (То есть, каждый пусть считается съ собой, а не съ нимъ, Миронъ, и его взглядами. В.) Если же говорилъ рабочимъ объ интеллигентахъ, то какъ иллюстрацію нецѣльности, дряблости и нечестности съ собой приводилъ. И подражать имъ не совѣтовалъ, считается съ ихъ мифомъ не совѣтовалъ. Интеллигенты живутъ моралью и привычками унаслѣдованными отъ дѣдовъ угнетателей. А интеллектъ приспособляютъ къ угнетаемымъ. Отъ этого разорванность и лживость съ собой. Напримѣръ, каждый интеллигентъ умственно признаетъ полную интимность и свободу въ дѣлѣ любви. Любовь-личное дѣло каждаго и никто въ это мѣшаться не можетъ. Тѣмъ не менѣе идутъ вѣнчаться такъ же, какъ и тѣ, кто считаетъ необходимымъ контроль церкви въ дѣлѣ любви. Это — полная отчужденность разума отъ чувства. Напримѣръ, самые искренніе.

(я подчеркиваю это мѣсто: самые искренніе съ другими) ...вотъ хотя бы даже изъ этого собранія, искренно убѣждены, что санкція церкви не нужна. Тѣмъ не менѣе всѣ обвѣнчаны. Что это? Мысль сама по себѣ, а жизнь сама по себѣ. Лживость съ собой, раздвоенность, различіе корней въ мысляхъ и морали. И, дѣйствительно, я не совѣтовалъ рабочимъ подражать, на примѣръ, хотя-бы.. ну, товарищамъ Сергѣю, Дарѣ, Михаилу и другимъ. Пусть со своимъ опытомъ считаются. Нужна санкція? Иди и вѣнчайся. Не нужна? Не лги себѣ и не лужавъ съ собой“.

Здѣсь начинается разговоръ судей съ обвиняемымъ, который я считаю нелишнимъ привести цѣликомъ:

„— Позвольте — вдругъ перебилъ Семень Васильевичъ. — А дѣтей своихъ вы понесете крестить въ церковь?

„Миронъ остановился. Вопросъ былъ неожиданный. Забѣлѣли улыбки на лицахъ.

— Да, понесу! — рѣшительно сказалъ онъ.

Улыбки разсыпались въ рѣдкій смѣхъ.

— Какъ же это? Развѣ вы признаете санкцію церкви?

— Нѣтъ, а потому, что безъ метрическаго свидѣтельства нѣтъ паспорта, а безъ паспорта, какъ вамъ извѣстно, что безъ души. Моихъ дѣтей не будетъ на свѣтѣ, ихъ никто не приметъ ни на какую работу. Работу. Понимаете? Изъ двухъ золь меньшее.

— Вотъ то-то же! — кивнулъ головою Семень Васильевичъ. — То же самое и съ вѣнчаніемъ, — изъ двухъ золь меньшее...

Миронъ усмѣхнулся.

— Не вѣрно. Не вѣнчаясь, вы можете жить и работать, это-главное. Безъ паспорта вы работать не можете. Признать вы это должны, а разъ такъ, то этотъ вашъ выводъ и есть та нечестность, лукавство съ собой.

— А другое вы забываете? — вдругъ не выдержала Катерина Андреевна.

— Что именно?

— А то, чему вы подвергаете женщину своей свободой любви. Ваша теорія очевѣ удобна... только не для женщинъ...

— Я не понимаю, чему же подвергаю женщину?

— Не знаете? А оскорбленія, а шопоть всякихъ лавочниковъ, дворниковъ, а грязные намеки? Конечно, на васъ это не ложится! Но если женщина даже согласна, то всякій порядочный мужчина, если онъ любить ее, а не желаетъ подъ видомъ теоріи воспользоваться довѣріемъ ея, долженъ оградить ее отъ грязи. Самъ долженъ это сдѣлать!

— Скажите пожалуйста, — перебилъ ее Миронъ — если бы вы попали среди игровъ и они стали дѣлать намеки и насмѣшливо шептаться, что вы бѣлая, вамъ бы это показалось оскорбленіемъ? Или только смѣшнымъ?

— Извините, милостивый государь, ваше сравненіе очень неудачно.

— Какъ угодно. А мнѣ кажется, что человѣку до конца пропитавшемуся какимъ нибудь убѣжденіемъ, смѣшны шептанія другихъ. Но дѣло, конечно, въ томъ, что этому мужчинѣ и этой женщинѣ оскорбительны шептанья дворниковъ потому, что они, въ сущности, мнѣніемъ дворниковъ дорожать и сами думаютъ какъ дворники. Тогда зачѣмъ же насиловать себя? Конечно, вѣнчаться безъ всякихъ разговоровъ... Если же шептанья дворниковъ

ему смѣшны, а ей не смѣшны, тогда на чемъ же ихъ союзъ? Люди разные, разойтись и кончено.

— Какъ просто и легко! А дѣти? Гдѣ гарантія?

— Ну, знаете... — безглаголиво поморщился Миронъ — если вы собираетесь родить съ человѣкомъ дѣтей и съ самого начала другъ другу не вѣрите и на всякій случай контракты пишете, то вамъ именно и книги въ руки. Такого брака я во всякомъ случаѣ рабочимъ рекомендовать не буду. Да! И съ вашимъ мнѣніемъ, дѣйствительно, считаться имъ не посовѣтую. Какъ съ дворниками и лавочниками“.

Самъ же Миронъ, пиша Даръ о своей любви къ ней, не о половыхъ утѣхахъ говорить, а вотъ что:

„Когда я думаю о томъ, что пришла уже та, съ которой я хочу имѣть рубенка, я чувствую какъ у меня кружится голова. Сердце замираетъ, такъ великъ восторгъ наполняющій его“...

И только такой выводъ можетъ сдѣлать Миронъ о семьѣ на основаніи лишь честности съ собой, — критики противъ этого. Какую же форму семьи этшищаютъ они. „Законный брак“?

„Хорошо — могутъ возразить Мирону многіе. — А если я не могу найти ту, съ которой сознательно и охотно имѣлъ бы дѣтей, какъ мнѣ быть? Ненормальные социальныя условія создали такое положеніе, что я не только такъ, но никакъ не могу имѣть семью. А между тѣмъ половой инстинктъ мой не считается съ социальными условіями, онъ тянетъ меня къ женщинѣ, хотя я не хочу имѣть отъ нея дѣтей. Какъ быть?“

На это Миронъ можетъ отвѣтить: „Вы сами лично какъ находите: будетъ кому нибудь страда-

ніе отъ того, что вы сойдетесь съ этой женщиной, не желая имѣть отъ нея дѣтей?»

„Нѣтъ, не будетъ, и она и я будемъ имѣть отъ этого только радость“.

„Въ такомъ случаѣ дѣлайте, то что сами признали хорошимъ“.

„Но это безнравственно. Нашъ разумъ говорить, что удовлетвореніе этого инстинкта нельзя дѣлать наслажденіемъ, его цѣль — продолженіе вида“.

„Совершенно правильно, но въ такомъ случаѣ доведите эту мысль до такой степени, чтобы у васъ явилось чувство изъ нея, чувство отвращенія къ такимъ безплоднымъ половымъ наслажденіямъ; тогда у васъ не будетъ ни сожалѣнія о несдѣланномъ, ни раскаянія за сдѣланное. Вы будете правы“.

„Но это выходитъ, что я долженъ обречь себя на полное воздержаніе? — можетъ сказать спрашивающій. — И если за всю жизнь не встрѣчу ту, съ которой могъ бы имѣть дѣтей, то и всю жизнь сдерживать свой половой инстинктъ?“

Тутъ Миронъ ничего больше спрашивающему сказать не можетъ, тутъ у послѣдняго идетъ процессъ гармонизированья инстинкта, собственного и человѣческаго опыта, различныхъ чувствъ. Инстинктъ глухо, слѣпо и настойчиво требуетъ своего. Сознаніе говоритъ, что въ настоящихъ условіяхъ нельзя родить дѣтей, не приготовившись къ этому. Значить, воздержаніе. Но воздержаніе, по мнѣнію однихъ ученыхъ (носителей человѣческаго опыта) — вредно для человѣка. А другіе утверждаютъ, что, наоборотъ, полезно. Личный же опытъ (темпераментъ, привычки, образъ жизни) говорятъ опять противно-положное.

Миронъ лишь говоритъ: ни одной изъ этихъ силъ не надо отдаваться цѣликомъ, не надо ин-

стинктъ прикрывать опытомъ и наоборотъ. Надо эти силы привести къ такому состоянію, чтобы изъ нихъ получилось увѣренное и твердое дѣйствіе, опирающееся на разумъ и чувство.

Не знаю, можно ли изъ этого вывести „повѣдь угожденія животнымъ инстинктамъ“.

И, наоборотъ, тѣ, которые, желая быть нравственными, спѣшатъ жениться (конечно, законно) и родятъ дѣтей безсознательно, по обычаю, не угождаютъ ли эти въ большей степени темнымъ животнымъ инстинктамъ? Кто болѣе правъ: французскіе социалисты пропагандирующие искусственное регулированіе дѣтсрожденія, сознательно направляющіе темный инстинктъ, или же тѣ, которые называютъ это безнравственнымъ и поступаютъ, какъ низшіе животныя, не умѣющіе управлять своими инстинктами?

Кто правъ, кто виноватъ, это опять таки рѣшить жизнь. Но я хочу указать читателямъ на все то же безсознательное влеченіе моихъ критиковъ къ старой морали. Почему они такъ много говорятъ о животныхъ инстинктахъ? Почему они не вѣрятъ тому, что говоритъ Миронъ, а говоритъ онъ совсѣмъ не то, что они замѣчаютъ?

Да потому, что они могутъ мыслить только въ плоскости „добродѣтели“ и „грѣха“. Если человѣкъ признается самъ, что онъ обладаетъ животными инстинктами, то развѣ это не ясно, что онъ „души“ не признаетъ? Добродѣтель и грѣхъ, духовное и плотское, это тѣ категоріи, изъ которыхъ они никакъ выйти не могутъ. Но такъ какъ духовное и плотское издревле состоятъ во всѣхъ мораляхъ въ борьбѣ, то ясно, что тотъ, кто признаетъ цѣнность въ плотскомъ, тѣмъ самымъ отвергаетъ себя отъ духовнаго.

Вотъ почему г. Арабажинъ характеризуя Мирона, говоритъ : „онъ любить бархатъ женскаго тѣла“. И при этомъ совершенно не обращаетъ вниманія на то, что Миронъ рядомъ съ этимъ продолжаетъ : и мечту, и великую мысль, и сапогъ, и борьбу, и кусокъ хлѣба, и все, что идетъ на благо человѣку“.

И развѣ не ближе Тарасъ, отвергающій душу во имя тѣла, критикамъ, чѣмъ Миронъ? Тарасъ мыслить такъ же, какъ и они, ему необходимо это раздѣленіе, иначе онъ себѣ и представить не можетъ, — какъ же это такъ, ни тѣла, ни души, а что же? Но онъ не можетъ не видѣть, какъ это раздѣленіе ложно, какъ оно расходится съ жизнью и, глубоко оскорбленный, совсѣмъ отрицаетъ все духовное во имя одного тѣла. „Онъ — правъ, онъ честенъ съ собой“, — сказалъ о немъ Миронъ, но это не значитъ, что Миронъ съ нимъ еогласенъ. Бытіе Тараса, рабочаго, чувствующаго на себѣ и на своей семьѣ гнетъ предрасудковъ, „духовнаго“, сосредоточеніе интересовъ только на тѣлѣ, все это вызвало мысль, какъ у многихъ анархистовъ, о неналобности духовнаго. Но такъ какъ отдѣлить плотскаго отъ духовнаго въ сущности невозможно и каждое ихъ дѣйствіе, движеніе необходимо содержитъ въ себѣ элементъ духовнаго, то они должны погибнуть. Такъ или иначе, Тарасъ умеръ бы, такъ какъ такого напряженнаго разрыва съ собой нельзя выдержать. И стремленіе къ смерти, къ уничтоженію себя есть одинъ выходъ, примиреніе, честность съ собой.

То-же самое должно произойти съ тѣми, кто пожелалъ бы быть честнымъ съ собой, подчинивъ все „душѣ“. Реальная жизнь для такого человѣка стала бы невозможной. Пустынники, заточники изнуряющіе свою плоть, истязающіе себя и были людьми, стеремящимися быть честными съ собой,

хотѣвшими подчинить все „душѣ“. Они и были мертвецами.

Я не знаю, захотятъ ли меня понять читатели, но ни организація, судившая Мирона, ни Тарасъ, ни Оля, ни Наталья не хотѣли его понять.

Тарасъ тоже вѣрилъ, что Миронъ проповѣдуетъ „свое удовольствіе“ и удивляется, почему же онъ не хочетъ для себя устроить экспроприацію.

Оля думаетъ, что Миронъ проповѣдуетъ „половыя наслажденія“ и удивляется, почему онъ отказывается отъ обладанія ею, не смотря на то, что она чуть не сама предлагаетъ себя. Удивляется она, что онъ проповѣдуетъ професс. организацію проститутокъ и въ это же время усиленно убѣждаетъ ее, Олю не идти въ проститутки и „спасаетъ“ свою сестру изъ публичнаго дома.

Наталія же во что бы то ни стало хочетъ убѣдить и себя и Мирона, что она любитъ его „душу“ и хочетъ того же отъ Мирона. Миронъ ей много разъ объясняетъ свое пониманіе „души“, „тѣла“, объясняетъ, почему невозможна у Наталіи любовь къ его душѣ, она все таки упорно не хочетъ этого понять и продолжаетъ утверждать, что любитъ только душу и что ему Мирону, проповѣдующему одно тѣло, ни за что не можетъ отдаться. И тѣмъ не менѣе отдается этому Мирону, когда онъ захотѣлъ доказать ей ея ложь себѣ.

Г. Львовъ объ этомъ говоритъ: „Миронъ честенъ съ собой и беретъ безъ любви женщину“. „Безъ любви“ — это значитъ, „не любя души“. Если такъ ставится вопросъ, то я скажу, что Миронъ любилъ и „душу“ ея. Тогда онъ съ точки зрѣнія г. Львова будетъ правъ.

Эта же самая „душа“, „грѣхъ“, „позоръ“, эти фетиши, эти абсолютныя, вѣчныя, неизмѣнныя ка-

тегоріи играютъ роль и въ дальнѣйшихъ всѣхъ обвиненіяхъ критиковъ.

Обвиняется, напримѣръ, Дара въ томъ, что пошла въ гостинницу и купила себѣ мужчину. Почему она это сдѣлала, зачѣмъ, при какихъ обстоятельствахъ, обо этомъ совершенно не упоминается. Да и зачѣмъ? Ясно вѣдь сказано: „не прелюбы сотвори“. А тѣмъ болѣе, если ты женщина. Развѣ не жгли на кострахъ и не побивали камнями прелюбодѣекъ, не вникая почему и зачѣмъ онѣ совершали этотъ грѣхъ? Интересна затѣмъ эта наклонность приверженцевъ старой морали изъ одного факта тотчасъ же вывести норму, заповѣдь. Если Дара пошла въ гостинницу, значитъ проповѣдуется хожденіе всѣмъ женщинамъ.

Но если бы критики взглянули на этотъ фактъ безъ отношенія къ тому, нравственно это или не нравственно, если бы исходили не изъ любви тѣла или любви души, то они бы, я думаю, хоть немножко остановились бы надъ тѣмъ, какъ и почему это сдѣлала Дара. Я увѣренъ, что если бы въ жизни имъ встрѣтился т о ч н о такой же случай, они бы не такъ скоро разрѣшили его, какъ на бумагѣ.

Дара — натура страстная, „подлочувственная“, какъ сама о себѣ говоритъ. Мужъ ея боленъ. Онъ влечетъ къ Мирону. Какъ влечетъ, „физически“ или „духовно“, она этого не можетъ себѣ объяснить. Иногда она склонна объяснять это влеченіе простой половой потребностью. Какъ быть?

Послѣ своего поступка въ гостинницѣ она рассказываетъ о немъ въ своей семьѣ, приписывая его вымышленной подругѣ.

Сергѣй, (мужъ Дары) разрѣшаетъ вопросъ тѣмъ, что подруга должна была ждать своего мужа, (при чемъ этому мужу извѣстно о влеченіи жены къ своему товарищу.) Если же она этого не сдѣ-

лала, то совершила преступленіе противъ нравственности.

Вѣра, сестра Сергѣя говорить:

„Во всякомъ случаѣ далеко порядочнѣе и красивѣе было бы сойтись съ этимъ самымъ товарищемъ, если ужъ.. А не мерзости —“

Дара на это отвѣчаетъ имъ:

„Но вѣдь она того.. въ гостинницѣ не любила, она даже не знала его. Тѣломъ только знала одно мгновеніе. Вѣдь важна д у х о в н а я любовь. И любовь эта осталась, допустимъ.. Или это только въ теоріи, а на дѣлѣ это самое презрѣнное тѣло и составляетъ все? Пока она душой измѣняла ему съ товарищемъ, онъ зналъ и не отталкивалъ. Это, молъ, терпѣть можно, а чуть коснулись тѣла, тутъ ужъ и кончено?“

Относительно же предложенія Вѣры она говорить:

„То-есть сойтись съ этимъ товарищемъ и подъ видомъ духовнаго влеченія удовлетворять свою физическую потребность? А если еще взять и повѣнчаться, о, это совсѣмъ правственно и красиво... Это красиво — сойтись изъ простой, неосознанной, темной потребности и дурачить себя и другихъ, что сошлись д у х о в н о? Это — нравственно? А то, что она не хотѣла дурачить и честно хотѣла провѣрить себя, это — преступленіе? Это-безнравственно, что она хотѣла душу свою оставить мужу, эту самую душу, которая для него будто составляла все? Какая ложь и, дѣйствительно, гадость! Скверная, жалкая ложь! Душу ему нужно? Тѣло и только тѣло, вотъ вся его душа, нравственность, цѣломудріе, философія, все! Не тѣ, которые легко смотрятъ на физическія половыя отношенія — безнравственны, а тѣ, для которыхъ въ нихъ такой ужасъ, вся мораль и всѣ семейныя

отношенія. Гадкіе лицемѣры передъ самими собою. Собственники! Сойди съ ума, умри, а не смѣй нарушить право собственности мужа“.

И развѣ не права Дара, когда говоритъ, что для „собственниковъ“ желаніе работать, быть другомъ, вся многосторонняя жизнь жены затмѣвается проступкомъ половымъ?

И не любопытно-ли, что ни одинъ критикъ не обмолвился и словомъ о томъ, что Дара всѣ свои стремленія и цѣли ставитъ въ томъ, чтобы прежде всего работать, своимъ трудомъ поддерживать свое существованіе. „Заработай самъ и дай на партію, это другое дѣло“ — говоритъ она своему мужу. — А брать съ мужиковъ и часть давать на партію, это для нея лично стыдно и „безнравственно“. Этому критику совершенно не замѣтили. Энергія Дары, ея развитое товарищеское чувство, умъ, любовность, все это для критиковъ сгорѣло въ огнѣ „гнуснаго“ „грѣха“.

Слѣдующія обвиненія всѣ въ одномъ и томъ же духѣ. „Неточность“, категоричность, непоколебимая вѣра въ абсолютность нормъ.

„Миронъ охотно ходитъ къ проституткамъ и вполнѣ (курсивъ мой) одобряетъ, когда другіе ходятъ“.

Такъ пишетъ г. Арабажинъ, повторяя пункты обвиненій организациі. Организациія все таки задумалась, узнать объясненія Мирона, а г. Арабажинъ просто отбросилъ ихъ и продолдетъ говорить то же самое.

Съ перваго взгляда такая слѣпота, такое умышленное невидѣніе того, что лѣзетъ въ глаза, кажется совершенно непонятнымъ. Какъ можно писать такія вещи, если ничего подобнаго нигдѣ въ повѣсти нѣтъ. Какъ поднялась у критиковъ рука писать о „восхваленіи мной проституціи“? Непонятно.

Но зная ихъ склонность къ давно установленному дуализму, все становится яснымъ. Миронъ признаетъ за проституціей цѣнность, ясно, что признаетъ „грѣхъ“, а отсюда, само собой, отрицаетъ „добродѣтель“. Ядъ есть ядъ и никогда, ни при какихъ условіяхъ онъ не можетъ имѣть никакой цѣнности. Грѣхъ есть грѣхъ и больше ничего.

Вотъ что въ сущности говорятъ критики.

Какъ же относится Миронъ къ проституціи?

Миронъ прежде всего отстраняетъ отношеніе къ ней старой морали. Путемъ изученія исторіи проституціи, путемъ наблюденій надъ другими, путемъ собственного опыта, опыта сестры своей проститутки, размышленіемъ — онъ приходитъ къ выводу, что проституція есть результатъ ненормальнаго развитія семейныхъ и социальныхъ отношеній. Самый фактъ многовѣкового существованія ея, извѣстная закономерная зависимость отъ опредѣленныхъ условій — побуждаютъ его думать, что проституція при современномъ социальномъ строѣ явленіе необходимое. Проституція несетъ общественную функцію, которую никакія проповѣди, пролятія не могутъ уничтожить. Проституція оказываетъ извѣстную услугу обществу.

И, въ самомъ дѣлѣ, забывъ хоть на минуту нравственно это или нѣтъ, можно увидѣть, что проституція, дѣйствительно, оказываетъ услугу тѣмъ, кто обращается къ ней. Отрицательная или положительная эта услуга, — вопросъ другой, какъ вопросъ о томъ, — положительную или отрицательную услугу приносило обществу крѣпостничество.

Г. Арабажинъ говоритъ, что Миронъ охотно ходитъ къ проституткамъ. Это не первая „неточность“ его. Написана она, конечно, искренно. Но я изъ любопытства спрошу г. Арабажина, на основаніи

какого мѣста въ моихъ работахъ онъ говорить это?

Конечно, г. Арабажинъ этого мѣста не найдеть. Да и въ самомъ дѣлѣ, какой мало мальски эстетическа требовательный, не страдающій извращенностями человекъ охотно станетъ ходить въ публичные дома? Кто посѣщаетъ эти сотни тысячъ проститутокъ, находящихся въ каждой странѣ? Исключая незначительный процентъ упомянутыхъ больныхъ, ихъ посѣщаютъ люди вынужденные на это. Чѣмъ они вынуждены, это опять вопросъ другой, но фактъ тотъ, что охотно они не ходятъ.

Мои критики, исходя изъ хорошихъ побужденій, негодуютъ на тѣхъ, кто говоритъ, что и революціонеры ходятъ къ проституткамъ. Я не вхожу сейчасъ въ тѣ мотивы, которые руководили другими говорящими, о себѣ же скажу, что я говорилъ это только потому, что видѣлъ и не хотѣлъ лгать.

И говорилъ я не съ осужденіемъ, не съ желаніемъ выставить революціонеровъ въ безнравственномъ видѣ, — это доказывается хотя бы тѣмъ, что я самъ не нахожу ничего безнравственнаго въ хожденіи къ проституткамъ. (Спѣшу предупредить: это не значить, что я нахожу это „нравственнымъ“. О злѣ проституціи я скажу ниже).

Критики удивляются, гдѣ я видалъ такихъ революціонеровъ. Но я, не смотря на то, что опять вызову своими словами гнѣвъ и негодованіе, принужденъ по совѣсти сказать, что изъ того большого числа моихъ знакомыхъ революціонеровъ и партійныхъ товарищей я могу лишь о нѣсколькихъ сказать „не знаю“. Объ остальныхъ же съ увѣренностью могу повторить: да, всѣ они ходили или ходятъ къ проституткамъ. И не смотря на это, среди нихъ есть люди достойные всякаго уваженія,

прекрасные товарищи, сильные умы, энергичные партійные работники.

Не знаю, можетъ быть, я вращался въ такой исключительной средѣ „негодяевъ“, но я говорю то, что видѣлъ.

Но вотъ о х о т н а г о хожденія я ни у кого не видѣлъ, какъ и за собой самимъ этого не замѣчалъ. Кромѣ скрытыхъ отъ чужихъ глазъ страданій за свою „безиравственность“, кромѣ разлада, о которомъ я говорилъ выше, была еще неудовлетворенность, оскорбленіе эстетическаго чувства, удвоенная тоска по „духовной“ любви. Тутъ же, конечно, страхъ венерическихъ болѣзней, картины униженія проститутокъ, одичанія, безпросвѣтности ихъ положенія. Какъ я могъ взяться за восхваленіе этого? Кого бы „соблазнилъ“ этимъ?

Вы правы г. Львовъ, — о проституціи много писалось и говорилось. Съ большою любовью, состраданіемъ, жалостью и талантомъ писали русскіе писатели о проституткахъ. И Достоевскій, и Чеховъ, и Гаршинъ, и Л. Толстой.

И все таки ни я, ни Миронъ не удовлетворены ихъ разрѣшеніемъ вопроса.

Да и какое, собственно, разрѣшеніе? Не было даже попытки соціально разрѣшить его. Есть проповѣдь состраданія къ униженнымъ и „падшимъ“, есть строгое осужденіе ходящихъ къ этимъ падшимъ, есть призывъ къ полному воздержанію отъ половой жизни. Все это не уменьшило зла проституціи, все это не уменьшило ни числа ходящихъ, ни числа заболѣваній венерическими болѣзнями, не облегчило страданій ни ходящихъ, ни самыхъ проститутокъ.

А послѣднія — то больше всего расплачиваются за это соціальное противорѣчіе. Нѣтъ ни одного члена общества, который былъ бы такъ без-

правень, унижень и оскорбляемъ на каждомъ шагу, какъ проститутка. Паріи общества, — воры, — и тѣ считаетъ проститутку гораздо ниже себя. Чтобы выразить наибольшее презрѣніе другъ другу, они ругаются именемъ проститутки. Этимъ именемъ ругаются и въ высшихъ слояхъ общества, — не рѣдкость встрѣтить статью, въ которой авторъ обзываетъ своего противника проституткой.

Рабство и крѣпостничество въ ихъ специфическихъ чертахъ давно уничтожены, но проститутки и до сихъ поръ продаютъ, обмѣниваютъ, онѣ даже называются „живой товаръ“. Проститутка не имѣетъ паспортъ, имущества имѣть не можетъ, защитой закона она не пользуется. Всѣмъ извѣстно, что если проститутка обвиняется въ к. н. преступленіи, то и судьи и публика заранѣе ни въ чемъ хорошемъ ей не вѣрятъ. „А, проститутка — она на все способна“. Она можетъ быть отзывчивой, умной, съ самыми лучшими стремленіями, все это затмевается ея „безнравственностью“ и если она обратится къ обществу за помощью, отъ нея отворачиваются со страхомъ или презрѣніемъ. А въ это время хозяева ихъ, горячо ратуя за „устой“ общества, за неизбежность нравственныхъ и соціальныхъ основъ его, во истину высасываютъ изъ проституттокъ всѣ соки

„Авторъ повѣсти говоритъ обо мнѣ г. Львовъ — не понимаетъ, что хожденіе къ проституткамъ, сама проституція находятся въ связи съ соціальными противорѣчіями и съ пафосомъ толкуетъ объ организаціи проституттокъ, объ организаціи новаго класса“.

Хорошо, г. Львовъ, я не понимаю. Но какъ бы Вы посовѣтовали тому человѣку, который хочетъ активно, непосредственно воздѣйствовать на это зло? Вы скажете опять: „прости-

туція можетъ исчезнуть когда исчезнутъ соціальныя противорѣчія. Боритесь съ соціальными противорѣчіями“.

Но развѣ это отвѣтъ Мирону, его сестрѣ, сотнямъ тысячъ Мироновъ и ихъ сестеръ? Развѣ они не въ правѣ сказать Вамъ: „Рабочіе тоже перестанутъ продавать свой трудъ при социализмѣ, но пока вѣдь вы боретесь за улучшеніе ихъ положенія? Общество вѣдь пользуется услугами нашихъ сестеръ? Значитъ, несутъ они какую то соціальную, грязную обязанность, чистятъ помойную яму общества? Почему же общество, пользуясь ихъ услугами, отсылаетъ насъ къ социализму? Почему ни одна социалистическая партія никогда и нигдѣ не вступилась за этихъ по истинѣ „униженныхъ и оскорбленныхъ?!“

Да развѣ это не вопіющее соціальное противорѣчіе, пользоваться въ теченіи вѣковъ услугами проституціи и въ теченіи вѣковъ гнать и отвергать ихъ отъ себя съ бессмысленнымъ презрѣніемъ. Развѣ не соціальное противорѣчіе, что люди, не вѣряшіе у м о м ѣ въ эту мораль, во имя ея же отворачиваются отъ зла, которое вопіетъ къ нимъ.

Они зло видятъ только въ томъ, что совершается „безнравственность“.

Нѣтъ, зло въ томъ, что сотни тысячъ женщинъ перестаютъ быть матерями, что миллионы женщинъ и мужчинъ калѣчатъ себя болѣзнями, что „виновные“ мучатся физически и психически, что надъ всѣми стоитъ лживая, продажная, баба-Мораль и хлещетъ всѣхъ кнутомъ.

Да, Миронъ не совѣтуетъ рабочимъ считаться съ этой бабой. Онъ не совѣтуетъ довѣряться филантропіи господствующихъ съ ихними швейными машинками, домами призрѣнія (скорѣе презрѣнія) ни жалости ихъ, ни состраданію.

„Наши сестры оказываютъ услугу обществу? Пусть оно признаетъ это. Пусть эта услуга грязна, тяжела, противоестественна, — за это отвѣчаетъ общество, требующее отъ нихъ этого, принуждающее ихъ къ этому насиліемъ, соблазномъ, хитростью, голодомъ, праздностью. Но тѣмъ не менѣе это — услуга“.

Мало этого, — сами проститутки должны сознать это. Бороться за себя онѣ теперь не смѣютъ, онѣ сами себя презираютъ, онѣ сами считаютъ себя достойными всякой гнусности. Правда, онѣ же и мстятъ обществу за это собственное презрѣніе, бессмысленно и жестоко мстятъ. Но бороться за себя могутъ лишь тѣ, кто самъ себя считаетъ въ правѣ на это.

Это право борьбы за себя можетъ быть дано сознаниемъ хоть незначительной своей полезности обществу.

Рабочіе, братья проститутокъ, поставивъ ихъ на такую точку зрѣнія сдѣлаютъ, во первыхъ, то, что сестры ихъ выйдутъ изъ того безгласнаго, изступленнаго отчаянія, и самопрезрѣнія, въ которомъ заключены. И тогда онѣ смогутъ бороться за себя. Добившись же борьбой лучшаго матеріальнаго положенія, проститутка станетъ независимѣе, не позволитъ продавать себя, развращать и заражать болѣзнями. Добившись уничтоженія „желтыхъ билетовъ“ и всѣхъ знаковъ особаго „отличія“, она можетъ легче оставить свою профессію и быть матерью.

Мнѣ не разъ приходилось слышать на это такое полное ужаса возраженіе:

„Какъ?! Вы хотите улучшить матеріальное и общественное положеніе проститутокъ? Да вѣдь тогда туда всѣ повалять, кому только захочется?!“

Въ этомъ наивномъ возраженіи кроется ужасная, черная вѣра въ самое гнусное въ человѣкѣ. По мнѣнію этихъ добродѣтельныхъ оппонентовъ, весь человѣческій родъ только то и дѣлаетъ, что стремится къ извращенностямъ, праздности, противъ естественному и вредному. И если бы не страхъ „желтыхъ билетовъ“, безправія, всеобщаго презрѣнія „порядочныхъ“, если бы не карающій кнутъ Морали, всѣ люди такъ бы и бросились въ публичные дома.

Могу успокоить такихъ оппонентовъ хотя бы соображеніемъ изъ политической экономіи. Нашъ вѣкъ — вѣкъ конкуренціи. Когда профессія проститутки станетъ выгоднѣе другихъ, въ нее, дѣйствительно, сначала устремятся изъ менѣ выгодныхъ. Но затѣмъ выгодность благодаря слишкомъ большому предложенію уменьшится и уравнивается съ другими. Вѣдь и теперь, не смотря на проклятія и заповѣди морали, количество проститутокъ зависитъ не отъ интенсивности этихъ проклятій, а отъ спроста нуждающихся.

Все это и не болѣе говоритъ и Миронъ въ своемъ „манифестѣ“, какъ насмѣшливо выразился г. Львовъ. Чтобы не быть голословнымъ для тѣхъ читателей, которые не читали моей повѣсти, я приведу его цѣликомъ:

„Отношеніе къ проституціи.

„Если идешь къ проституткѣ, то честно, не лукавя съ собой, дай отчетъ себѣ, почему идешь къ ней.

„Опытомъ жизни своей и разумомъ провѣрь свое желаніе. И если опытъ жизни твоей и разумъ сходятся съ желаніемъ твоимъ, — ты правъ. Иди и дѣлай, что хочешь.

„Если же опытъ жизни и мысль возстаютъ, то сдѣлай ихъ столь ясными себѣ, чтобы отъ нихъ

родилось чувство отвращенія къ желанію твоему. И желаніе исчезнетъ, ты будешь также правъ.

„Но не дѣлай того, что разумъ твой или чувство признають дурнымъ. Ложь передъ другими оправдана можетъ быть, передъ собой — никогда.

„Оттого лгушіе себѣ крадутся, какъ воры, къ проституткѣ въ сознаніи, что дѣлають дурное. Мужъ, безъ любви (какъ проститутку) купившій жену, не краснѣетъ идя къ ней, ибо самъ думаетъ, что покупать женщину съ благословенія общества — не дурно.

„Но какъ бы ты ни шелъ, помни, что идешь къ человѣку, отъ котораго ждешь удовлетворенія твоего желанія.

„Если безобразенъ, одинокъ, бѣденъ, если жизнью обиженъ, въ семьѣ несчастливъ и не можешь иначе удовлетворить желаніе тѣла своего, идя къ проституткѣ, помни, что она оказываетъ powerful услугу тебѣ.

„Если нравомъ горячъ и кровь покоя не даетъ и къ проституткѣ идешь за успокоеніемъ, помни, что идешь къ человѣку, въ которомъ чувствуешь надобность.

„Если неумѣренной жизнью пріучилъ себя къ похоти, какъ пьяница къ вину, идя къ проституткѣ, помни, что ищешь въ ней пьянаго удовлетворенія.

„Но какъ бы ты ни шелъ, — какъ къ доктору за успокоеніемъ, какъ въ кабакъ за возбужденіемъ, какъ на базаръ за кускомъ хлѣба, — помни, что идешь за услугой.

„Поэтому, если идешь, иди не какъ воръ, не какъ чувствующій себя преступникомъ, а какъ нуждающійся.

„Не осуждай также, уходя, проститутку за то, что не дала того, чего не можетъ дать.

„Если будешь помнить это, не будешь мучить себя и ее презрѣніемъ къ ней. Поймешь, что ни ты, ни она не виноваты за то, что создано многовѣковой жизнью.

„Но много лишняго зла устранишь.

„Поднявъ ее въ ея собственныхъ глазахъ, облегчишь ея тяжелую профессію. Дашь ей возможность бороться за себя всѣми доступными средствами. Возвратишь великое благо быть матерью, гражданиномъ и членомъ общества.

„Помни это, идя къ проституткѣ.

„А болѣе всего пусть помнятъ близкіе ея и сами проститутки. Не презирающіе, жалѣющіе и лгушіе себѣ устранять зло. Презрѣніемъ, жалостью и ложью они увеличиваютъ его. Не устранять его также сытые, довольные (въ половомъ смыслѣ), но только нуждающіеся, недовольные, страдающіе отъ него.

„Болѣе же всѣхъ пусть рабочіе подумаютъ надъ этимъ. Ихъ дочери и сестры и составляютъ большую часть обитательницъ публичныхъ домовъ. Пусть помнятъ, что и они, какъ проститутки, продаютъ себя и продажей своего труда такъ же лишаютъ себя способности творить, какъ ихъ сестры-родить. Не съ моралью считаться, а съ собой и своимъ опытомъ. Всякая мораль устанавливается господствующими; рабочіе же въ господствѣ не повинны, а потому не ихъ и мораль теперешняя. Только съ собой пусть честны будутъ. Всякій въ подобномъ ихъ положеніи будетъ согласенъ съ ними.

„Итакъ, помни все это. И пусть каждое твое дѣйствіе будетъ плодомъ согласія разума и чувства твоего и только твоего, но не тѣхъ, кто иначе живетъ и чувствуетъ. Будь честенъ только съ собой!“

Эту „кошмарную теорію“ жизнь оправдываетъ. Недавно вѣнскій магистратъ издалъ постановленіе о проституціи. Оно подходитъ къ „теоріи“ Мирона: желтые билеты уничтожаются, особенный надзоръ снимается, право жительства уравнивается со всѣми гражданами, эксплуатація проституткокъ подлежитъ общему праву о хозяевахъ и подчиненныхъ.

Конечно, магистратъ сдѣлалъ это не изъ протеста противъ господствующей морали, а изъ простаго разсчета и общественной гигиены. Магистратъ понялъ, что никто, даже проститутка, не хочетъ быть больнымъ. Если же проститутки будутъ здоровы, то и тѣ, кто пользуется ихъ услугами, не заболѣютъ. Ни морали, ни гоненія, ни филантропіи, ни ужасное состояніе проституткокъ проституціи не могли не только искоренить, но не могли и ничтожной доли зла устранить. И магистратъ пошелъ противъ господствующей морали.

А мои критики, возставъ на защиту ея, обвинили меня въ проповѣди разврата, восхваленія проституціи, осыпали насмѣшками и назвали „су-тенеромъ“, „котомъ“ и пр.

Но въ чемъ заключаются слѣдующія обвиненія? Г. Львовъ говоритъ: „Миронъ честенъ съ собой и... ограбилъ помѣщика Кисельскаго“.

Опять та же заповѣдь, абсолютная и неизмѣнная ни при какихъ условіяхъ, — „не укради“. Достаточно, чтобы сказать „ограбилъ“ и у всѣхъ уже есть ясное и опредѣленное отношеніе къ ограбившему.

Поэтому г. Львовъ даже не считаетъ нужнымъ объяснить читателямъ, какъ, при какихъ обстоятельствахъ Миронъ ограбилъ. А вѣдь критику извѣстно, что, во первыхъ, Миронъ ограбилъ не для себя. Во вторыхъ, тѣ, для которыхъ онъ огра-

биль, (семья рабочихъ) погибали: отецъ умиралъ отъ болѣзни, одинъ сынъ шелъ въ шпики, другой тоже былъ боленъ, дочь собиралась поступить для спасенія семьи въ публичный домъ. Наконецъ, грабить онъ у человѣка, которому эти деньги достались тоже грабежомъ (съ мужиковъ), для котораго кража этой тысяча рублей не можетъ доставить даже особенной непріятности. Критику также у м-ственно извѣстно, что всякій живущій на счетъ другого, праздный и не работающій есть воръ, грабитель. Помѣщикъ — тотъ же воръ, лишь стоящій подъ охраной закона (морали, заповѣдей). Почему же г. Львовъ не говорить „ограбилъ грабителя Кисельскаго“. И почему г. Львовъ такъ снисходительно все время говорить объ этихъ Кисельскихъ? „Пусть плохи Кисельскіе, живущіе чужимъ трудомъ“ и т. д. И тутъ же обрушивается на Мирона: „А развѣ Миронъ не ограбилъ? (Только зачѣмъ упомянулъ г. Львовъ честность съ собой, богъ его знаетъ!) Но почему и для чего грабилъ Миронъ? И для чего грабятъ Кисельскіе? Миронъ рискуя жизнью грабить, чтобы помочь товарищу, а Кисельскій грабить для себя. Есть въ этомъ разница или нѣтъ? Конечно, для заповѣди „не укради“ разницы нѣтъ, но она есть не только для марксистовъ а даже для самыхъ ярыхъ защитниковъ заповѣдей, казенныхъ судовъ. И тамъ принимаютъ во вниманіе обстоятельства, при которыхъ произошло преступленіе.

А что же могутъ сказать критики-марксисты объ экспропріаціи экспропріаторовъ? Вѣдь это будетъ тотъ же грабежъ?

И какая опять характерная черта: Миронъ, и Дара, которые въ основаніе своей жизни прежде всего кладутъ трудъ, это первое условіе социалистической этики, которые для товарища могутъ

пойти на висѣлицу, они за свои половые незаконные поступки заслуживаютъ въ глазахъ критиковъ большого презрѣнія, чѣмъ старый тунеядецъ, бросающій своихъ незаконныхъ дѣтей, имѣющій на сторонѣ содержанку, но не проповѣдующій „коншмарныхъ теорій“. — „Кто изъ насъ не мечтаетъ о правдѣ и свободѣ жизни!“ — говоритъ г. Арабажинъ. — „Но какъ все это далеко отъ той свободы одичанія, экспропріацій, шулерства и насильничества, которыми восхищается авторъ въ лицѣ своего Мирона“.

И тотъ же г. Арабажинъ сообщаетъ читателямъ, что Миронъ убилъ свою мать. Правда, г. Арабажинъ добавляетъ: „такъ какъ она, по его мнѣнію, была безнадежно больна и жила въ страданіяхъ“.

Опять „неточность“. Не по мнѣнію Мирона, а по мнѣнію врачей, носителей человѣческаго опыта.

Правъ или неправъ Миронъ, приведя самолично приговоръ врачей въ исполненіе, это вопросъ дальнѣйшій.

Меня пока интересуеетъ въ та-же категоричность обвиненія. „Вотъ, молъ, къ тому же еще и мать свою убилъ, ну, не звѣрь ли?“ А вѣдь сказано „не убій“.

Но на баррикадахъ убійства г. Арабажинъ можетъ и одобрилъ бы. Еще при какихъ нибудь обстоятельствахъ тоже задумался бы. Но мать... Чти отца твоего и мать твою“... Да, это звѣрство и одичаніе.

Гипнозъ старой заповѣди не позволяетъ видѣть какъ и въ предыдущемъ случаѣ, что Миронъ это дѣлаетъ не для себя, не для своего удовольствія, а изъ состраданія къ матери. Онъ не по заповѣди, не по приказанію ея любить свою мать;

но онъ ее любить не только слѣпымъ животнымъ инстинктомъ, а и сознаниемъ. Онъ видитъ и знаетъ, что мукамъ матери помочь нельзя, она ничего не ощущаетъ кромѣ этихъ мукъ, она слаба, умна и никого не узнаетъ. Онъ знаетъ, что если бы она хоть на минуту могла сознательно выразить свое желаніе — это была бы мольба о смерти. И Миронъ приближаетъ къ ней эту смерть только изъ любви и состраданія.

И опять отсюда привыкшіе къ принудительнымъ нормамъ люди выводятъ: „Значитъ, всякій можетъ убивать кого угодно?“ Опять эта вѣра въ то, что человѣкъ — это „сосудъ скверны“, который нужно крѣпко держать заткнутымъ.

Меня упрекали за это въ варварствѣ и звѣрствѣ.

Да, намъ извѣстны обычаи древнихъ, когда дѣти умерщвляли своихъ престарѣлыхъ отцовъ. А отцы не препятствовали и охотно шли на смерть ради блага общины. Плохо ли такое самопожертвованіе отцовъ и дѣтей? А не есть ли это высшая ступень соціального чувства? Смерть выбиралась потому, что при тогдѣшнемъ состояніи жизненныхъ средствъ другого выхода не было. Но чувство само по себѣ развѣ не выше того поистинѣ звѣрскаго милосердія, которымъ наша цивилизація истязуетъ многихъ бесполезно и безнадежно страдающихъ остатковъ людей? Вѣдь звѣри тоже не убиваютъ своихъ одряхлѣвшихъ собратьевъ, они предоставляютъ имъ мучиться до естественной смерти. Но звѣри это дѣлаютъ потому, что не обладаютъ сознаниемъ*).

*) Особенно негодовалъ на меня за эта мысли г. Ефремовъ, одинъ изъ самыхъ искреннихъ и честныхъ украинскихъ критиковъ. Онъ особенно подчеркивалъ мое „звѣрство и варварство“ и „побивалъ“ меня тѣмъ, что эти мысли,

И невольно хочется спросить моихъ критиковъ: что такое это „милосердіе“ цивилизації? Не угожденіе ли это животнымъ безсознательнымъ инстинктамъ? Не эгоизмъ ли это скорѣе, чѣмъ альтруизмъ?

И не изъ эгоизма ли господствующихъ нарушается та же абсолютная заповѣдь „не убій“, когда сотнями тысячъ убиваютъ на войнѣ молодыхъ, здоровыхъ, полезныхъ членовъ общества?

Я привелъ всѣ главнѣйшія обвиненія моихъ критиковъ и далъ на нихъ посильный отвѣтъ.

Я знаю, что отвѣтилъ на многое въ общихъ чертахъ. Если читателямъ покажется что нибудь невыясненнымъ, я готовъ сказать полнѣе.

Повторяю еще разъ, — мнѣ хотѣлось болѣе всего выяснить слѣдующее. Меня обвиняютъ въ томъ, чего я не говорилъ. Критики думаютъ, что я если протестую противъ абсолютной формы заповѣди „не укради“, то, значить, я противополо-

моль, не новы, что они проводились въ жизнь варварами. Я на новизну не претендую и въ доказательство этого приведу г. Ефремову слова человѣка, котораго въ варварствѣ трудно заподозрить, слова человѣка, который къ человѣчеству относился, мнѣ кажется, съ меньшей любовью, чѣмъ г. Ефремовъ и г. Арабажинъ. Этотъ человѣкъ-соціалистъ Э. Реклю. Онъ, рассказывая объ обычаяхъ умерщвленія стариковъ, говоритъ:

„Кто знаетъ, лучше ли поступаютъ наши современные цивилизованныя семьи, когда, подъ предлогомъ любви и уваженія, не внемлютъ иному старцу, умоляющему ихъ прекратить его муки, причиняемые какой нибудь ужасной болѣзью, отъ которой, какъ это всѣмъ оружающимъ хорошо извѣстно, недужному нѣтъ спасенія? И вотъ „любящая“ родня безжалостно оставляетъ несчастнаго старца цѣлыя недѣли, иногда мѣсяцы стонать, кричать и метаться и корчиться отъ невыносимой боли, пока смерть не окажется добрѣе ихъ“.

(Э. Реклю. Человѣкъ и Земля.)

ставляю ей другую абсолютную заповѣдь „укради“. Если я протестую противъ гоненія морали на плоть, то это значитъ, что я противопоставляю абсолютное поклоненіе плоти.

Это не такъ. Я умышленно приводилъ въ своихъ работахъ примѣры, рѣзко нарушавшіе привычныя понятія морали. Повредилъ-ли я себѣ этимъ или наоборотъ, трудно судить. Но изъ примѣровъ этихъ я не думалъ выводить какихъ нибудь „новыхъ моралей“. Я хотѣлъ лишь на нихъ объяснить свой методъ отношенія къ жизненнымъ явленіямъ. Примѣняя тотъ методъ, къ одному и тому же явленію, но при различныхъ условіяхъ — можно относиться къ нему различно. Миронъ относится къ проституціи безъ привычнаго ужаса и презрѣнія. Но суть же „спасаетъ“ свою сестру. Миронъ относится къ кражѣ отрицательно, но самъ крадетъ. Одно и то же явленіе при различныхъ условіяхъ будетъ и „моральнымъ“ и „неморальнымъ“. Современная жизнь представляетъ непрестанную, вѣчно мѣняющуюся, неуловимую комбинацію тысячи разныхъ условій. Схватить и закрѣпить ихъ въ неподвижныхъ рамкахъ — невозможно. Это когда то, быть можетъ, имѣло свой смыслъ, но теперь изъ этого выходитъ напрасная и бесполезная трата энергіи для того, кто хочетъ сознательно, честно и активно принимать участіе въ процессѣ жизни.

Я самъ пережилъ эти попытки заковать жизнь, истратилъ много энергіи и пришелъ къ выводу, что этими попытками я только задерживаю ея многообразіе и силу. Абсолютная, вѣчная мораль съ неизмѣнными догмами-заповѣдями похожа на мальчишку, который рученками хочетъ сдержать потокъ и сквозь пальцы котораго безпрепятственно льется вода.

Для тѣхъ, кто по своему бытію играетъ въ процессѣ жизни задерживающую роль, тѣмъ, конечно, необходимо защищать все недвижимое, вѣчное, неизмѣнное. Въ нашемъ обществѣ эту роль несутъ господствующие классы. Они, искренно или лицемерно, должны объявлять формы своего господства священными, неизмѣнными, незыблемыми.

Но угнетенные, движущіеся впередъ, по бытію своему не могутъ вѣрить въ это. Имъ нужно сознаніе соотвѣтствующее ихъ бытію, такое же движущееся, мѣняющееся, вѣчно обновляющееся. Но какъ и все, — смѣна, движеніе подлежитъ опредѣленнымъ законамъ. Уловить этотъ законъ, опредѣлить направленіе и связь его съ другими — есть задача социалистическаго сознанія.

Я сдѣлалъ попытку опредѣлить это направленіе. Для движущихся, борющихся необходимо наибольшее развитіе силъ и самое раціональное приложеніе ихъ. Силы человѣка состоятъ изъ различныхъ элементовъ. Надо, чтобы эти элементы не ослабляли другъ друга, а, наоборотъ, усиливали. Современная мораль разрываетъ человѣка. Будучи явно негодной къ жизни, она ослабляетъ угнетенныхъ въ ихъ поступательномъ движеніи. Ее нукно оставить и слѣдовать принципу концентраціи силъ и ихъ раціональнаго приложенія. Такой методъ я (по высказаннымъ выше причинамъ) назвалъ честностью съ собой и иллюстрировалъ его на взятыхъ мной изъ жизни примѣрахъ.

Быть можетъ, моя попытка неудачна, не выдерживаетъ серьезной критики, — повторяю, — я постараюсь найти въ себѣ столько мужества, чтобы признать свою ошибку. Но пусть же мнѣ укажутъ ее, пусть хоть критикуютъ то, что я говорю, а не то, противъ чего я самъ борюсь.

Среди моих читателей есть люди, которые думают сходно со мной. Какъ и я, они заинтересованы въ выясненіи соціалистическаго моральнаго сознанія. Я думаю, что и много другихъ товарищей не меньше нуждаются въ этомъ.

Я отъ себя и отъ моихъ сомышленниковъ прошу критиковъ-марксистовъ точно и ясно сказать, на чемъ они основываютъ свои обвиненія меня: 1) въ проповѣди голыхъ животныхъ инстинктовъ, „апологіи одичанія, озвѣренія, 2) въ проповѣди разврата, половыхъ наслажденій, санинства, утѣхъ тѣла, восхваленія проституціи, сутенерства, 3) въ проповѣди насильничества, шулерства, мошенничества, 4) въ проповѣди мѣшанствъ, обывательщины, анархизма.

И, наконецъ, 5) пусть укажутъ тѣ мѣста моихъ работъ, на основаніи которыхъ они обвинили меня въ отступничествѣ, ренегатствѣ, защитѣ реакціи.

Къ этому я просилъ бы и для себя и для другихъ по возможности точно и ясно опредѣлить, что именно они сами защищаютъ и какова должно быть отношеніе угнетенныхъ къ морали господствующихъ. (Меня такія слова, какъ „единеніе, братство, правда, свобода“, опять говорю, не удовлетворяютъ. Почему, — я это объяснилъ.) Пусть они выяснятъ, что они понимаютъ подъ такими понятіями, какъ „развратъ, насильничество, животные инстинкты, правда, ложь, душа, тѣло и т. д..“

Наконецъ, что они гсворятъ етими словами „отступничество, ренегатство“. Если я отступилъ отъ того, о чемъ говорилъ въ этомъ письмѣ, т. е., отъ морали господствующихъ, то они правы. Но если это отступничество касается того, во что я вѣрилъ и вѣрю, — соціализма, борьбы за него, движенія впередъ, то пусть они укажутъ мнѣ, гдѣ я назы-

валъ соціалистическія идеи „прѣсными“, гдѣ я называлъ жизнь „игрой въ рулетку, безсмысліемъ“, гдѣ я призывалъ къ пессимизму, равнодушію, „бездевизности“, какъ это говорятъ и дѣлають герои О. Мартова, Гиппиусъ, Шенталъ и другихъ, въ среду которыхъ втиснулъ меня г. Львовъ. Пусть укажутъ мнѣ хоть одну мою работу, в которой бы я сказалъ: „нѣтъ, бороться невозможно, потушимъ наши фонари и погрузимся во всѣхъ равняющую тьму“.

Если критики, дѣйствительно, имѣли въ виду интересы угнетенныхъ, когда писали свои статьи обо мнѣ, если, дѣйствительно, ради нихъ сознательно или безсознательно невѣрно передавали читателямъ своимъ факты, если имъ столько же, какъ и мнѣ, важно выясненіе моральнаго сознанія соціалистовъ, — то они мнѣ отвѣтятъ такъ же точно и ясно, какъ я отвѣчаю имъ. Если они сознательно возводили на меня свои обвиненія, то они, конечно, не замедлятъ привести тѣ данныя, на основаніи которыхъ такъ поспѣшно и увѣренно обвинили меня. И я жду этихъ данныхъ (на страницахъ легальной или нелегальной прессы, — мнѣ все равно).

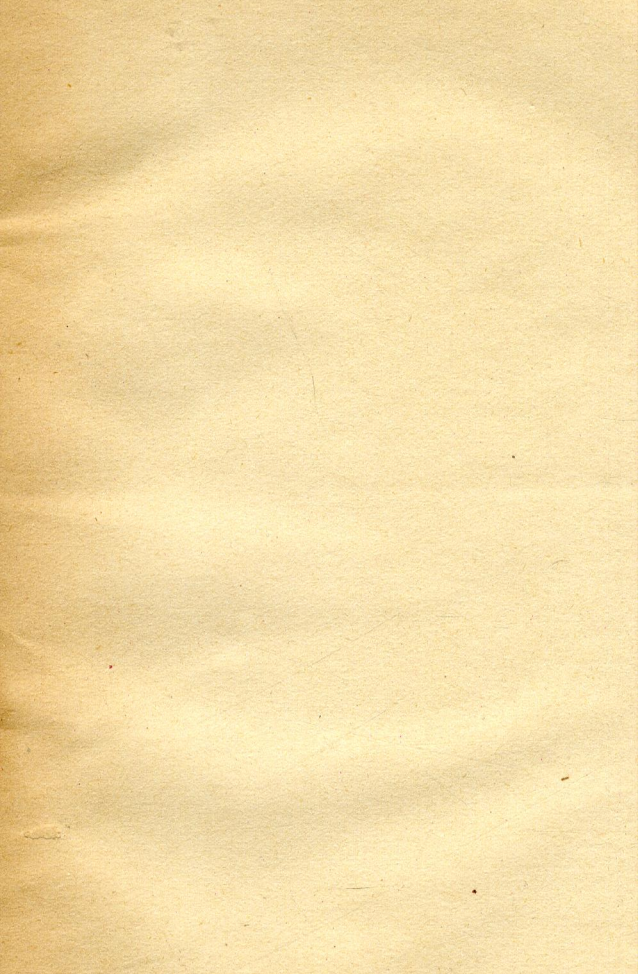
Но если не дождусь? Если критики не явятся на судъ? Вѣдь надъ ними въ этомъ случаѣ никто съ кнутомъ стоять не будетъ, ничто принудительно-карательное не угрожаетъ имъ. А тѣмъ болѣе, если мнѣ, во истину, „ротъ зажать“, и я не могу помѣстить хотя бы это свое письмо въ тѣхъ легальныхъ изданіяхъ, гдѣ помѣщаютъ критики свои статьи.

Какъ быть въ такомъ случаѣ?

Пусть хоть на это отвѣтятъ они.

А читателей все таки прошу быть судьями и отвѣтовъ ихъ и молчанія.

1 пд. 10 кон.

2 пд. 76 кон.

(1986)

728

РН 728

В. Винниченко

О морали
господствующей
и морали
угнетённых